

Боярская сотня

Дмитрий Морозов

Пленники вечности

«Public Domain»

2004

Морозов Д. В.

Пленники вечности / Д. В. Морозов — «Public Domain»,
2004 — (Боярская сотня)

Роман Дмитрия Морозова «Пленники вечности» продолжает сериал исторической фэнтези «Боярская сотня». Загадочным образом проваливаются во времени члены питерского клуба «ролевики» и попадают в XVI век, по времена опричнины и Ивана Грозного. Начинается война с Ливонским орденом, и Чернокрылому Легиону предстоит сражаться не только на суше, но и на море... Автор первых семи книг «Боярской сотни» – Александр Прозоров. Дальше серия разделилась на несколько сюжетных линий, которые продолжают разные авторы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий МОРОЗОВ

ПЛЕННИКИ ВЕЧНОСТИ

Глава 1

Дорога печали

Ливония, XVI век

И все-таки, – сказал ангмарец, качая головой и вытирая со лба пот грязной рукавицей. – Почему они нас пропустили? – Говорил бы потише, мордорское отродье, – прошипела Дрель, и добавила уже громче, специально для оставшихся у поворота дороги ливонских дозорных. – Зер гут, майн либер херц.

– Это кто еще херц? – возмутился назгул, все же переходя на шепот.

Девушка только отмахнулась от него.

Они с трудом подавляли желание бросить усталых коней в галоп. Мучительно тянулись мгновения медленной рыси, удалявшей их от ливонцев. Те могли, опамятавав, ринуться в погоню на свежих лошадях. Слева тянулась унылая топь. Справа темнел бурелом, в котором скакуны, если решат их верховые свернуть, непременно поломают ноги. Одним словом, погоня была смертью подобна.

Но на этот раз пронесло. Утонул в болотной дымке ливонский значок, трепетавший над дозорными. Не сговариваясь, они бросили рысаков вскачь.

– Это были не кнехты, – пояснила причину их везения Дрель, – и, хвала светлым валарам, не оказалось в дозоре рыцаря. Пара ландскнехтов дрыхла в палатке, а забитые и зашуганные сервы, которым вручили алебарды и погнали на убой, попросту не рискнули останавливать благородную госпожу (тут она хохотнула) и сопровождающего ее крестоносца.

– Кем угодно был я на ролевых играх, – протянул ангмарец, – но чтобы крестоносцем...

Девушка, которой привычнее было называться на эльфийский манер Галадриэлью, а не всамделишным именем «по паспорту», молча прикоснулась рукой к его щеке, когда кони на миг сблизилась. Со стороны, учитывая скорость рысаков, это могло выглядеть как пощечина. Назгул дернулся и скривился, и тут же загоготал во все горло.

Рано поутру, второпях собираясь в конный дозор, он порезался при бритье. Ну никак не получалось у него гладко и бескровно побриться остро заточенным кинжалом. Посему сердобольная Дрель пожертвовала для него величайшей драгоценностью – едва ли не последним куском лейкопластыря, каковым и заклеила глубокий порез крест-накрест.

Сукровица, тем не менее, проступила сквозь ткань, сделав ее из белоснежной грязно серой. Смотрелось это так, словно самый настоящий «фон такой-то», фанат крестоносного движения, нанес себе в молитвенном порыве, граничащем с приступом мазохизма, рану «во имя Богоматери».

– Вечно забываю я про дурную ментальность ли-вонцев, – отсмеявшись, сказал назгул, когда кони вновь пошли шагом.

– Лучше бы немецкий в школе учил, – откликнулась Дрель, внимательно высматривая в бугрящейся глади торфяника поставленные утром вешки. – Они едва перед тобой шапки заламывать не стали.

– А по внешнему виду, – не унимался ангмарец, – неужели не ясно, что мы не немчины?

– Одежда литвинов, русичей, ляхов да московитов не очень-то отличается, особенно после многочасовой скачки и прогулки по торфяникам. Да и вообще – на тебе западный доспех, а буденовки, бурки и красного знамени у тебя не имеется.

– Но сейчас военное время...

– Я же говорю, хвала валарам, что не было там рыцаря или ландскнехта поумнее. А наш прикид да мой немецкий вполне годятся, чтобы объегоривать сиволапых мужиков.

Действительно, во время лихого прорыва сквозь очередной ливонский заслон, который пытался преградить путь Чернокрылому Легиону, ангмарцу попортили доспех. Удар мечом, который назгул откровенно «проспал» в горячке боя, не нанес особенного вреда, не считая синяка, но начисто срезал кожаные завязки наплечника. Щитов он никогда не признавал, а идти в сечу с неприкрытым плечом казалось чистым безрассудством. Посему назгул без зазрения совести вытряхнул ландскнехтский труп из сверкающей сбруи и напялил ее на себя. Шлем его, совершенно фантастический с точки зрения археологии, тем не менее отдаленно напоминал вычурные конструкции, что любили носить крестоносцы. Правда, не было у него ни плюмажа из павлиньих перьев, ни турьих рогов. Всего-то и делов, что пара черных крыльев, как и подобает «воеводе страны Мордор».

– Но другой раз может и не повезти, – сказал ангмарец. – Что за детский сад мы устроили из разведки?

– Да все нормально, заболтались просто, – отмахнулась Дрель. – Да и внимательность притупилась уже под конец. Главную-то задачу мы выполнили, разве нет?

В целом она была права.

С огромным трудом удалось Чернокрылому Легиону и черкесской кавалерии ненадолго оторваться от войск магистра Кестлера, ринувшихся в погоню за ними. Устроили привал, впервые за целую седмицу расседлали коней и скинули доспех.

– Что дальше?

Этот вопрос повис над утомленной дружиной.

Чернокрылый Легион и его союзники выполняли важную и самоубийственную задачу. Пока основная часть русского отряда скрытно двигалась к осажденному ливонцами городу, ангмарец и его люди из всех сил изображали «главный удар».

Изобразили они его до того качественно, что привели в бешенство рыцаря, назначенного Кестлером для перехвата деблокирующей рати. Нанеся сильные потери ливонцам во встречном бою, Моргульский Легион открыто повернул на север, и начал отступление.

Черкесам хотелось прыснуть врассыпную от неповоротливой германской кавалерии и раствориться в лесах, ролевики и реконструкторы также чувствовали бы себя уютнее под лесной сенью, но приказ гласил однозначно – отманывать немца от городка.

Они и отманывали, как могли.

Отступление с противником на хвосте превратилось в череду бесконечных арьергардных сшибок и перестрелок между лучниками и арбалетчиками. Потери несли обе стороны, но пока дело не дошло до фронтального столкновения, в котором германцы особенно сильны, эльфийские луки «щипали» врага весьма и весьма ощутимо. Не спасали ни доспехи, ни щиты.

Но всему приходит конец под луной. Пришел он и запасу стрел.

Понурые лучницы притащились к назгулу, закинув свои грозные, но бесполезные орудия смерти за спины.

– Все, командир, – сказала старшая. – Посылай нас в обоз, или в маркитантки определяй. Патроны кончились.

– Отдыхайте пока, – вздохнул назгул. – Не вздумайте без толку саблями махать. Затопчут ведь.

– А мы и не собираемся. Дальше ваше слово, товарищи мужчины.

– Вот я и говорю свое мужское слово, – как обычно утрированно изображая акцент, про-
рокотал черкес. – Девоч через седло – ив лес. У меня есть раненые, им уже в бой нельзя. Но с
коней горцы никогда не падают, если только мертвые. Довезут до своих.

– Не поедет мы, – отмахнулась лучница. – Куда мы без своих?

– А ты знаешь, дэвушка, – навис над ней горский князь, – что нэмэц с такими как ты
делает, если в полон бэрет?

– Представляю себе, – вспыхнула ленинградка. – То же, что и ты со своим ишаком. Но
для этого нас еще надо в полон взять живыми, а это им не удастся.

Горец схватился было за саблю, но потом покачал головой и отстал.

– Было бы предложено, дэвица.

– Зря ты с ним так, Майя, – возмутилась Дрель, когда оскорбленный джигит отъехал к
своим. – Ты видел, как он дерется? И не просто так, а вместе с нами, плечом к плечу. А ведь
ему воевода не указ – мог бы и спокойно умотать отсюда.

– Ладно, – вздохнула та, – потом извинись. И впрямь – как-то само собой вырвалось. С
нервишками что-то не то...

– И с чего бы это, – протянул назгул, задумчиво глядя на дальний берег мелкой речушки,
отделяющей их отряд от ливонцев.

На берегу валялись мертвые ландскнехты, пронзенные большей частью стрелами, теми
самыми последними стрелами Майи. В темноте враг пытался нащупать брод, и поплатился за
нелепый приказ идти к воде с факелами в руках.

– Ну – и что же делать будем?

Понимая риторичность своего вопроса, Майя уселась на трухлявый пенек и принялась
машинально искать курево. Разумеется, не оказалось ни сигарет, ни зажигалки, ни карманов.
Сколько лет уже прошло с прежней жизни, а вот атавизмы в башке сохранились, отметил про
себя назгул с кривой усмешкой.

– Констатирую, – сказал он, – ливонцев мы приманили к себе – словно мух на... мед,
целые тучи. Кестлер принял Легион если не за всю армию Курбского, то уж за авангард, это
точно. Славно порубились, приказ воеводы выполнили, пора и честь знать.

– А как казнят тебя за самоуправство? – спросила Дрель. – Сейчас с этим просто.

– Для этого и я, и мы все должны выжить, – дернул щекой назгул. – Давайте переживать
неприятности по мере их поступления, как говаривал старина Мюллер.

– Он такого не говаривал.

– Но ведь мог?

– Точно. Все помолчали.

А что тут, собственно, скажешь?

Отряд растрепан, каждый третий ранен, стрел нет, мечи и сабли иззубрены в край,
доспехи в полной негодности.

Про усталость и голод уже и говорить не приходится. Всем, даже самым буйным голо-
вам сделалось ясно еще вчера – нового натиска ливонцев они не выдержат, полягут все, разве
только горстка кавказцев сможет вырваться из неизбежного «котла», который намерен устро-
ить ставленник Кестлера.

– Нашим в окруженном городке надо бы сказать, что с них закуска и выпивка, – сказал
подошедший Шон, плюхаясь рядом с Майей прямо на сырую землю. – Очень скоро воевода с
основными силами выйдет на исходную и начнет их всячески спасать.

Эта реплика повисла в тишине.

Ангмарец поднялся, для пущей важности запахнулся в свой неизменный черный плащ,
нахлобучил крылатый шлем.

– Властью, данной мне Владыкой Мелькором, папой Сау и русским воеводой Репниным, – начал он, при этом Дрель, когда упомянули Сауруна, тихо выругалась, – повелеваю под утро обозначить атаку того берега, дабы вынудить ливонцев развернуться...

– Какими силами, едрена вошь, обозначить? Шон фыркнул и зло потряс кое-как перебинтованной рукой.

– Ты со своими ирландцами и обозначишь, – отрезал ангмарец и добавил, пресекая возможные возражения: – Вместе с горцами. И – цыц, когда старшие говорят.

Поведя глазами и не найдя желающих спорить, продолжил:

– Тем временем, под шумок, лагерь снимется и даст деру по дороге.

– А почему – по дороге? – Дрель не удержалась, хотя сотни раз давала себе зарок не лезть в умные разговоры о тактике и стратегии. – А если – сразу рассыпаться? Их бронированный кулак пронзит пустоту.

– Бронированный кулак, – сквозь зубы ответил назгул, борясь с желанием грязно отругать эльфий-скую принцессу, – сокрушит твою светлую головушку, равно как и наши, если мы начнем «рассыпаться» в незнакомых лесах. Это тебе, Дрель, не Лориен какой-нибудь. Это Ливония, край топей, буреломов и мелких озер. Если прижмут к болоту – крышка. А времени на разведку...

Тут он запнулся и попытался почесать в затылке, тронул шлем, вяло улыбнулся и сорвал его с головы.

– Вообще-то, – протянул ангмарец, – следует немедленно отправить верховых искать лазейку. Все же сподручнее уходить всем вместе или двумя-тремя группами. Россыпью мы потеряемся в этой глуши.

– А вот это уже дело, – поддакнул Шон. – Припугнуть ливонцев и заставить их развернуться – мысль толковая. В полном доспехе они за нами не угонятся. Сняться под утро и драпануть – великолепно. Создать почин для разрыва дистанции. Отдохнули маленько – и будет. А про конный разъезд – так это тебя прямо сам папа Сау просветлил. Давно пора. И почему горцы этим давно не занялись.

– Они из сечи не вылезают, фланги наши прикрывают, – возразила дотоле сидевшая тихо Майя. – Да и все боковые дозоры на них. Так что придется самим суетиться.

Дрель заглянула в назгульские глаза, прочла в них ответ на невысказанный вопрос и провозгласила:

– Мы вдвоем и отправимся. Все равно с меня толку мало, а без начальства вам сподручнее драпать.

На том и порешили.

Ранним утром эльфийка и глава Легиона, взяв у горцев двух рысаков, тронулись в путь. В полной тишине снимался лагерь, а Шон изготовил, горстку своих людей и немногочисленных конников для ложной атаки.

– Кого мы не досчитаемся, когда нагоним колонну? – грустно спросил назгул.

– Лучше и не думать. – Дрель поплотнее запахнулась в плащ и пришпорила лошадь. – Главное сейчас тропку найти боковую.

Каждый из них знал, что придется кем-то пожертвовать.

Ведь ливонцы, потеряв соприкосновение с отрядом, тут же ринутся на поиски. Людей у них хватит, да и местное население, по большей части, относиться к ним лояльно. Станут искать боковые тропинки и окольные пути.

И найдут, разумеется. Кучка храбрецов должна будет выполнить для Легиона ту же роль, что он сам выполнял для дтряда Репнина – на время приманить к себе преследователей.

Но эту тему с обоюдного и молчаливого согласия они не обсуждали.

Рейд оказался удачным. Попетляв среди озер и болотистых проплетшин в ткани лесов, они нашли несколько вполне приличных тропок.

– Телеги с ранеными не пройдут, – отметил назгул. – Придется им в седлах трястись. Но тут уж ничего не попишешь.

На обратном пути они, чтобы ускорить продвижение, вылетели на широкую тележную дорогу, ведущую вглубь центральной Ливонии, и тут как раз и напоролись на недавно поставленный немцами дозор.

Сумбурный монолог Дрели на германском наречии, ландскнехтский доспех и пластырь на щеке помогли им избежать большой беды.

– Все только и талдычат, – прокомментировал назгул, – про «немецкий порядок». А у них такой же бардак, как у наших.

– Ну, вот и нет. Видел – только встали на дороге, а уже отхожую яму вырыли, дровишки заготовили, кашу варят.

– А службу завалили, – ухмыльнулся назгул. – За что честь им и хвала, псам ливонским.

Осторожно выехали они к мелкой «фронтальной» речушке, с ливонской стороны.

Она была уже покинута, впрочем, как и восточный берег. Дымились едва залитые водой кострища, пятная зелень черными проплешинами, одиноким обломком кораблекрушения торчала среди камышей разбитая телега.

А у самой воды ондатры и еще какая-то лесная мелочь сустились возле мертвых тел.

Дрель спрыгнула с коня и с замирающим сердцем побежала мимо трупов, боясь увидеть знакомые лица. Назгул ссутулился в седле и мучительно пытался сообразить, удалась ли их простенькая хитрость, или ливонцы смяли и растоптали отряд.

Вскоре лицо его просветлело – он заметил характерно взъерошенный мох.

Треугольные вмятины почти правильной формы, вытянувшись в линию, бежали вдоль воды от лесистого пригорка к песчаному мысу.

Такие следы оставляют нижние края тяжелых щитов ливонской пехоты, когда та выстраивает несокрушимый строй. Оборонительный!

– Выходит, Шон, – сказал он в пустоту, – напугал ты их. Хвала тебе, ирландец.

И тут он услышал горестный вой эльфийки. Назгул спешился и поспешил к ней, сторонясь тронутых зверьем немецких тел.

Возле мертвого горца он помедлил – почудилось, что тот шевелится. Но то была всего лишь игра светотени.

Дрель, вся в тине, тащила из воды мертвое тело одного из шоновых ратников. Кольчуга его оказалась буквально изорванной копьями, шлем страшно помят, но лицо, на котором застыло вечно удивленное выражение, казалось мертвенно-прекрасным, словно лик статуи. Каким-то чудом ни хищники, ни сталь, ни тина не коснулись черт ирландца.

– Там второй, – промямлила эльфийка, оттолкнув готовую помочь руку назгула. – За корягу ногой зацепился.

Ангмарец вскоре подтащил еще одно тело, потом с угрюмым остервенением принялся обшаривать берег. Вскоре к нему присоединилась и Дрель, которая не переставая ревела и грязно материлась.

Они нашли еще одного члена Легиона, из группы Черного Хоббита, троих горцев и одного казака.

– Вот тебе и разведка боем, – зло сказал назгул. – Я полный сукин сын. Таких надо конями разрывать на две половины, и собакам остатки скармливать.

Дрель перестала рыдать, встала на четвереньки и шумно напилась из какой-то лужи, побрезговав идти к изгаженной войной реке. Затем встала, вытерев лицо краем плаща, и почти спокойным голосом сказала:

– Отставить нытье, ангмарец! Они шли воевать, шли добровольно, и пали. Как настоящие воины. А скольких спасли? Об этом ты подумал?

– Спасли ли? Может – за поворотом дороги мы найдем и остальных?

– Вот и сходи на тот берег, сам посмотри. А я пока могилки вырою.

Назгул мрачно поискал глазами, подобрал небольшой рыцарский щит и принялся зло рыть яму. Дрель ковырялась рядом, орудуя обломком меча, но быстро выбилась из сил и снова разрыдалась.

Спустя какое-то время она хлопнула носом и, подняв лицо к небу, произнесла:

– И какие же вы, мужики, все-таки козлы!

– Это ты к чему? На феминизм пробило?

– Зачем все это? Скакать, рубить, кромсать? Неужели нет других способов самовыражения?

Назгул ничего не ответил, подкатывая к могилам каменкжу.

– Камней маловато, – сказал он, присев отдохнуть. – Слабо верится, что зверье до них не доберется.

– Может, ливонской мертвечиной подавится, – пробормотала Дрель.

– Совсем ты озверела, подруга, – покачал головой ангмарец. – А мужиков в зверствах обвиняешь.

Было бы время и силы – я бы и немцев земле предал. Негоже крысам да волкам оставлять.

– А ты видел, что они с казаком сделали? Ухо видел отрезанное? Я его помню, Егоркой звали, веселый такой был, на привалах песни горланил и все ко мне домогался. У него в этом ухе серьга была серебряная.

– Это ландскнехты, – мрачно кивнул назгул. – Я про них и не говорю. Пусть шакалье их рвет, туда и дорога. Я про кнехтов. Они люди подневольные, простые солдаты.

– Все одно – сволочь фашистская.

– Эк тебя, – крикнул назгул и вновь вернулся к своему тяжкому труду.

Уже под вечер, привалив последнюю могилу камнем, он буквально повалился на плащ.

– Мне полчаса надо полежать, – сказал он, едва ворочая языком от усталости. – А ты... Молитву, что ли, какую прочти. Я их не знаю, нам, нечистям, не положено.

– Да и я не знаю, – вздохнула Дрель. – Честное слово, никогда не думала, что может понадобиться.

Назгул помолчал.

– Нехорошо как-то... И водки нет помянуть, – Тут он оживился. – Слышь, Дрель!

– Чего тебе?

– А ты спой.

– Чего?

– Просто – спой. Если не молитвой и поминальной рюмкой, так хоть песней проводим.

Девушка некоторое время молчала, потом встала и подошла к могилам.

И полилась над ливонскими лесами песня, странная и неуместная для прибалтийской войны песня о дивном заокраинном острове, клочке незапятнанного мира, не знавшем Тени, смерти и увядания. Эльфий-ская тоска о чем-то крылатом, небывалом и чистом вилась над примолкшим лесом.

Назгул никогда не любил подобных песен, считая их проявлением слабости, «слюней» и «дивности». Но сейчас не мог не отметить, что лучшего напутствия мертвецам не дать. Такого, что шло бы от самого сердца.

– По крайней мере, – прошептал он себе под нос, – это лучше фальшивых пластмассовых венков, фанерного креста и шумного оркестра.

Дрель смолкла и вздохнула, вытерла слезу и уселась спиной к ангмарцу.

Аес вскоре вновь оживился, что-то плескалось в реке и билось на мелководье, на дальнем берегу шмыгнули гибкие волчьи силуэты, поджидающие наступления ночи и связанного с ней пиршества.

– Пора, – сказала Дрель, поднимаясь. – А то не догнать будет наших. Или, чего доброго, подоспеет германская похоронная команда.

– Ты хоть одну за всю войну видела, – спросил ангмарец, водружая на коня седло. – Вот и я не видал. Они, кажется, только рыцарей своих хоронят. Да и то, если оруженосцы целы остались.

– Вот я и говорю – фашисты.

Они двинулись через брод, в молчании миновали свой бывший лагерь, отметив, что следов боя здесь нет и в помине.

– А ты классно пела, – заметил ангмарец. – Никогда не замечал.

– А ты и не слышал, – вздохнула Дрель. – Да я и сама... Раньше – стеснялась. Это Тора у нас поет, да еще парочка девиц-менестрелей.

– Ты это дело не бросай. Вполне подходяще. Хорошо бы еще услышать.

Дрель странно на него посмотрела, и назгул тут же поправился:

– Конечно – не по такому поводу.

В сгущающемся сумраке они трусили по дороге, вытоптанной германской солдатней и многочисленными конскими подковами.

– Если так дело и дальше пойдет, – заметила Дрель, – то вся твоя разведка псу под хвост. Слишком далеко наши убрели.

– Так вся соль маневра в том, чтобы немного назад вернуться, и на север уйти. Такого от нас точно не ждут.

– Говорила мне мама, – вздохнула эльфийка, – не суй дела в тактические замыслы, башка лопнет.

– Мудрая, видать, была женщина.

– А ну – цыц! Ангмарец, прислушался.

– Из седел – долой!

Они спешили, обмотали лошадиные копыта тряпками, безжалостно изорвав трофейный плащ, двинулись вперед осторожно.

Возле приметного, поваленного в бурю дерева ангмарец знаком приказал Дрели оставаться на месте, кинул ей повод и крадучись пошел вперед, медленно вытягивая из ножен кинжал.

Среди деревьев плясал костер, слышались приглушенные голоса.

Осмотревшись, глава Легиона двинулся дальше, моля небеса, чтобы у ливонцев не оказалось с собой собаки.

Такое случалось, хотя и редко. Прожорливые, но в то же время и ленивые для охоты ландскнехты быстро пускали четвероногих друзей человека на жаркое.

Пса не оказалось. Да и любого другого серьезного противника назгул не заметил.

«Видно, оставшие от своих раненые, – подумал он. – Или дезертиры. Или мародеры. А еще вернее – и то, и другое, и третье. Отстали по уважительной причине, а потом решили вернуться назад, обшарить место побоища и дать деру из славного воинства магистра».

Действительно, на частицу регулярной армии или тыловое охранение кучка ливонцев никак не тянула. Обмотанные тряпками руки и ноги, перевязанные головы – все это говорило о том, что оставшийся за командира Шон не дал немцам нагнать отряд. Не только улепетывал, но и огрызался.

– Пятеро, – пробормотал себе под нос назгул. – Наверное, нужно впотьмах мимо прошмыгнуть...

Тут он заметил нечто, поначалу укrywшееся от его взора в неверном свете угасающего костра.

Чуть в стороне от сложенного кучей оружия лежала связанная женщина, избитая и измазанная в земле. Задранный подол дополнял картину происшедшего.

Кровь ударила в лицо назгула. Он мучительно вглядывался в грязные лохмотья, покрывающие тело жертвы, силясь опознать, кто из их отряда попался в лапы мародерам. Но здоровенный детина в полосатых штанах заслонил костер, протягивая в огонь кусок солонины, нанизанный на алебарду.

Назгул вытащил меч, навернул плащ на левую руку, укрыв тканью кинжал, и метнулся вперед. Постояв мгновение за деревом, он переместился к следующему стволу, потом вновь повторил маневр.

Вскоре он оказался в нескольких шагах от беспечно горлавивших песни наемников. Не таясь, ангмарец двинулся вперед, медленно, с неотвратимостью смерти.

Первым его заметил сидевший на седле арбалетчик, что-то прокричал и попытался вскочить. Удар сапога своротил ему челюсть набок и опрокинул тело в костер.

Алебарда с дымящимися ломтями мяса взметнулась и прошелестела над головой пригнувшегося назгула, эфес меча грянул в бородатое лицо наемника, превращая его алое месиво.

Трое остальных вскочили на ноги. Двое метнулись к оружию, третий, более сообразительный, успевший прочесть свой приговор в лице врага, опрометью кинулся в лес.

Но далеко убежать он не смог. Связанная женщина умудрилась извернуться гусеницей и подставила ему подножку. Со всего размаха ландскнехт грянул в древесный ствол и в течение нескольких мгновений яростной сшибки сидел, бестолково тряся головой и постанывая.

Клинок назгула скрестился с германским кошкодером, легко, словно перышко, отбросил легкий меч и, продолжая движение, обрушился на руку ливонца. Защищенная наручем конечность тут же разжалась, выпустила бесполезный уже меч и повисла плетью.

Выпад второго противника ангмарец принял на обмотанную плащом руку, вернее, на спрятанный под тканью кинжал. Короткий и злой пинок в пах заставил тевтонца согнуться пополам, а массивное оголовье ме-чевой рукояти раскрыло череп.

Глава Легиона метнулся вперед, протаранив плечом немца со сломанной рукой, отшвырнув его к полуоглушенному собрату.

– Нихт! – успел крикнуть немец, когда огромный полутораручный меч взлетел, словно коса смерти, обрушился наискось слева направо, сокрушая незащищенную шею.

Последнего врага назгул добил коротким кинжальным тычком в глазницу и бросился к распростертой женщине, делавшей попытки отползти подальше от места схватки.

Вздых облегчения вырвался из груди ангмарца. Перед ним лежала совершенно незнакомая тетка, скорее всего, крестьянка из ближайшей сервской деревушки, подвернувшаяся драпающим из войска Кестлера мародерам.

Назгул быстро перерезал ее путы, женщина с гортанным криком, совершенно не похожим на человеческую речь, вскочила, но тут же покачнулась и опустилась на землю.

– Ноги-то затекли, – сказал ангмарец. – Куда ты рвешься? Уже все кончилось. Посиди у огня, да двигай домой.

– Московит? – спросила, коверкая звуки, немка.

– Рашен партизан, – устало ответил назгул.

– Казак?

– Не совсем.

Похоже, в Ливонии казаками пугали детей. Животный ужас в глазах немки начал угасать.

– Ну – я пойду... – Ангмарец поднялся, и принялся обшаривать трупы. Давно уже прошли те времена, когда его воротило от подобных занятий, да и от самого вида мертвецов.

Он нашел флягу с вином, ломти солонины, завернутые в листья лопуха, и потемневший папир, а также колчан вполне сносных стрел, которые прихватил для Майи. Подумав, он поднял из грязи легкий кольчужный хауберг, вовремя вспомнив о непокрытой голове Дрели.

– Прощай, – сказал он молча скрючившейся у огня спасенной женщине и кинул ей на подол кожаный кошель с монетами. – Может, хоть ты не станешь болтать, что русские пожирают младенцев и пускают села на ветер.

– У нас такое и не болтают, – с трудом подбирая слова, выдала женщина. – И не немка я, полька.

– Вот как, – пожал плечами ангмарец. – Ну бывай, славянка.

Не оборачиваясь, он зашагал прочь от костра.

Насмерть перепуганная Дрель встретила его причитаниями вперемешку с густым матом, но тут же запнулась и замолчала, разглядев забрызганный кровью плащ.

– Дорога свободна, – пробурчал назгул. – Нечего таращиться, кровь не моя, хвала Великой Тьме. Трогай уже.

Примерно через два часа ангмарец остановил коня.

– Надо бы на дерево забраться, – сказал он неуверенно. – Ливонцы нам по дороге не попадались, значит, они гонят наших на восток. Пора бы нам уже их нагнать. Очень не хочется налететь на тыловое охранение.

– Я сама, – сказала Дрель. – Или я не эльфий-ская принцесса?

Резво подоткнув подол платья и приоткрыв весьма аппетитные ножки, она обезьяной взлетела по ветвям вверх, растворившись в густом лесном пологе.

Ангмарец ждал, поигрывая уздечкой и вслушиваясь в шорохи ночного леса.

Сверху посыпалась кора, и на траву шумно спрыгнула Дрель. Щека ее была расцарапана, платье на плече зияло прорехой.

– Они прямо перед нами.

– Охранение?

– Вернее будет сказать – стража обоза. Там пара телег, три шатра и дюжина мордovorотов. Сидят на тюках с арбалетами и плятятся вокруг.

– А главных сил не видно?

– В паре километров начинается подъем из этой долины. Гребень холма, похоже, наши и ливонцы уже перевалили.

Ангмарец спрыгнул с коня.

– Будем обходить. На вот, надень на башку. И не перечь! Мне воевода за тебя руки-ноги повыдергает.

Дрель на удивление покорно нахлобучила сменный войлочный подшлемник назгула, а поверх него хау-берг.

– Ну, и как я смотрюсь? – кокетливо спросила она, ведя коня в поводу.

– Как школьная учительница географии, решившая изобразить индийскую королевну, – честно ответил ангмарец. – Только очень грязную и помятую индийскую королевну.

– Спасибо на добром слове, злыдень. Миновать ливонский обоз им удалось без особых приключений, если не считать того, что лошадь назгула оступилась и едва не свалилась на дно оврага.

На дорогу, ввиду близости основных тевтонских сил, они решили не выходить, двинули по еле заметным лесным тропам, полагаясь не столько на собственное зрение, сколько на чутье казачьих рысаков.

Вскоре при свете звезд они перевалили через седловину, и перед ними раскинулся во всей своей красе ливонский лагерь.

Жарко горели десятки костров, белели палатки и шатры, меж ними перемещались оруженосцы и полупьяные кнехты.

– Бьем их, бьем, а они не уменьшаются в количестве, – заметила Дрель, сморщив нос.

– А ты что, хотела, чтобы Легион все войско магистра переколбасил? Которое Кестлер год собирал?

– Положим, здесь едва половина его. Вторая – у Рингена, осаждает отряд Игнатьева-Русина.

– Все равно их раз в двадцать больше. Только и спасают нас леса да топи, негде им развернуться.

– И как только дали магистру собрать эдакую силищу?

Щека назгула нервно задергалась. На эту тему они уже давно предпочитали говорить только между своими, даже со свойским парнем, воеводой Репниным, старались языки не распускать. А де. ло пахло крупной изменой.

Всем памятен был триумфальный марш русских полков от Пскова и Ивангорода вглубь Ливонии.

Нарва пала в одночасье, за ней обрушились десятки замков и множество крупных городов. Тевтонская армия была буквально разметана, словно куча сухих листьев, злым осенним ветром и загнана в родовые ук-ровища. Казалось – еще немного, и москвиты на века утвердятся на Балтике.

И тут начались проволоочки, отступления и бессмысленные маневры, изматывающие войска, переговоры...

В довершение всех бед, основные полки попросту ушли из Ливонии, оставив там и сям малозначительные отряды и гарнизоны, словно приглашая немцев к реваншу.

И реванш немедленно воспоследовал. Кестлер, павший было духом, нашел деньги, активизировал давние рыцарские связи с Западной Европой. И потянулись к Балтийским берегам, словно в эпоху крестовых походов, шайки псов-рыцарей, ватаги ландскнехтов и вольные дружины кондотьеров. Сам орден перегруппировал свои силы и вышел в поле. А в чистом поле русских полков не оказалось. Кестлер наметил уничтожить оставленные гарнизоны, показав всему миру, что его архаическое государство еще на что-то способно, получить под этим соусом дополнительные деньги от Папы и начать с Москвией полномасштабную войну.

Первый удар пришелся на отряд Игнатьева-Русина, засевший в крепости Ринген. Находившийся неподалеку отряд Репнина тут же двинулся на помощь. Но у ливонцев вполне хватало сил и на осаду, и на отпор дерзкому Репнину.

Тогда и началась маневренная война на дорогах. Чернокрылый Легион, приданный Репнину, изображал из себя силы деблокады, а сам воевода лесами крался к Рингену, намереваясь ударить в тыл Кестлеру. Мало кто знал, что героическому гарнизону Рингена помощь уже не нужна. Пять недель бились стрельцы и казаки, вызвав у заносчивых рыцарей изумление и суеверный страх, перебив более двух тысяч врагов. Но сила оправившегося Ордена была для горстки храбрецов неодолимой. Гарнизон пал, и теперь Репнин с малой дружиной шел прямо в объятия основной армии Кестлера.

Глава 2

Репнин

Уж не знаю, сгинули они, или выжили, – сказал воевода, мрачно разглядывая с холма твердыню Рингена. Он имел в виду Чернокрылый Легион, посланный, как думал Репнин, на верную смерть. На самом же деле, воинству ангмарца, благодаря этому приказу, удалось ускользнуть из железного капкана Кестлера, но тогда об этом мало кто ведал. – Но дело свое они добре исполнили. Отманили немца от крепости.

– Всю ли немчуру отманили? – усомнился стрелецкий сотник.

– Может, и нам кого оставили, – усмехнулся Репнин. – Но Русину и его людишкам послабление сделали. Теперь наш черед.

Отряд неспешно разворачивался, прикрытый холмом, готовясь ударить на тевтонцев. Ровные квадраты стрелецких сотен ладно двинулись вперед, ощерившись пиками и бердышами, на флангах тучами собралась легкая конница. Вернее будет сказать не тучами, а тучками. Основные силы казаков и черкесов передал Репнин Легиону, но по дороге собирал из всех деревень и замков мелкие гарнизоны, рассеянные по всей стране.

– Ну – с Богом!

Репнин сам выхватил сабельку и пустил коня в галоп. За ним рванулись два десятка боярских детей, сверкая кольчугами да бай данами.

С вершины холма, собираясь предупредить Русина о неожиданной подмоге, запел рог. Но чистый его и грозный голос не поднял из могилы гарнизон павшего Рингена.

С гиканьем ворвались боярские дети и казаки в ливонский лагерь, рубя опоры шатров и швыряя пылающие факелы в палатки. Передовая стрелецкая сотня под барабанную дробь уже входила с юга, бородастые десятники держали в зубах тлеющие фитили от пищалей.

Репнин придержал коня и рассеянно оглянулся. Никакого сопротивления, лагерь был пуст, в нем теперь хозяйничал огонь.

– Бесы их взяли? Или Русин всех перебил?

Не дождавшись от Небес ответа, чуя неладное, Репнин устремил коня к крепости.

Все вокруг носило следы яростного штурма – закопченные остовы башен, заваленный трупами ров, обломанные осадными крючьями зубцы крепостной стены.

И ни звука вокруг.

Гулко прогрохотали конские копыта по опущенному перекидному мосту. Внутри – та же картина смерти и запустения. Бурые пятна, где совсем недавно алела кровь, обломки стрел и брошенное в беспорядке оружие. Пришпиленный копьем к дощатой двери стрелец, мертвый рыцарь с напрочь отсеченной рукой.

– Горе мне, горе! – возопил Репнин. – Поздно подошли мы, братья! Нет более царева слуги Русина, нет казачков и стрельцов, нет более отряда Рингенско-го!

Тут его глаза страшно блеснули.

– Где магистр? Куда делись псы-рыцари и вся их свора? Немедля разослать вестовых, сыскать!

В молчании ехал он по пустым улочкам, скрежеща зубами при каждом следе мстительной жестокости орденцев. То тут, то там попадались русые головы, насаженные на пики, выпотрошенные и набитые гравием тела, связанные и окоченевшие трупы со следами пыток.

– До темноты сыскать мне магистра!

И тут запели медные рыцарские трубы, взревели охотничьи рожки и послышался лязг выходящего из засады стального воинства Кестлера.

Аовушка захлопнулась.

Репнин привстал на стременах и устремил свой взор наверх. Доселе безмолвные башни ожили. Распахнулись замкнутые двери и изрыгнули на стены сотни арбалетчиков и лучников, которые стали бегом рассредоточиваться по парапету. Центральный замок также ожил, выпуская ошетилившуюся копьями и алебардами «кабанью голову» валлонских наемников.

– Попался, словно лис в норе, – воскликнул Репнин, но в голосе его не было отчаяния. Казалось, он даже рад, что тевтоны и их наемники никуда не делись

Сотник, рванув саблю из ножен, прошептал, кося глаз на замерших в ожидании приказа арбалетчиков:

– Батюшка, разом ударим – к своим прорвемся, а там, в поле...

– Гойда! – взревел Репнин, пустив коня прямо на сгрудившихся в проеме ворот ландскнехтов, преграждающих ему путь к своему отряду.

Слитно захлопали арбалеты, и валлоны с криками устремились следом за воеводой и кучкой его телохранителей и боярских детей.

Не щадя себя, сопровождающие Репнина подняли щиты, закрывая воеводу от губительного ливня, и сами валились из седел один за другим.

Репнин врзался в толпу наемников, страшно крича и размахивая саблей с тяжелой елманиею, сокрушая шлема и щиты. Обученный такому бою конь бил копытами, опрокидывая латников, крутился на месте, не давая стащить своего всадника на землю. Рядом с гиканьем и визгом рубились казаки, прокладывая себе путь в ворота.

В самый краешек не сомкнувшегося капкана протиснулся Репнин, когда созданный им вихрь раскидал ландскнехтов. Воевода выскочил на мост. За ним следовала едва половина из тех, кто заехал в Ринген.

– Арбалеты перезарядят – каюк нам, – вскричал он. – За мной!

Они промчались по мосту, сопровождаемые стрелами, попусту вспоровшими воздух, и домчались до стрельцов.

И тут сердце воеводы дрогнуло, осознал он всю губительность своего похода малыми силами против всего воспрявшего Ордена.

Из леса с востока и запада выползли две сверкающие на солнце стальные змеи – копье за копье, хоругвь за хоругвью шли псы-рыцари и их челядь, доселе сокрытые в лесу.

– Становись! – заорал Репнин, мчась вдоль рядов смешавшихся было сотен. – Пищали готовь!

В последнем приказе нужды не было – отряд был готов к бою, хотя и собирался не драться в окружении, а бить Кестлеру в тыл. Сотни образовали неровный квадрат на небольшом взлобье, где некогда стоял шатер самого магистра. Первые ряды встали на колени, над их плечами грозно покачивались пищали и пики. В центре строя замерла немногочисленная конница русских.

– Чего он ждет? – изумился Репнин, видя, что готовые к натиску ливонцы медлят.

Но гибель рингенского гарнизона научила неистового Кестлера уважать русскую армию, к которой он раньше относился с явным небрежением.

– Не для того я собирал по всей Европе остатки рыцарства, – сказал он на изумленные и возмущенные расспросы своего окружения, – чтобы положить треть его или половину возле этого проклятого городка. Мне думается, что под крепостью находится разлом земли, сквозь которой из адских бездн проникают демоны, помогающие восточным варварам. На этом поле бескровной и красивой победы не выйдет, так говорят мне святые угодники и небесные покровители.

– Но дерево победы уже возросло, – возразил герцог из южной Франции, чьи предки резали непокорных провансальских альбигойцев и удирали из Палестины под натиском победоносного воинства Сала-дина. – Хитрым маневром заманили мы сюда москвитов, осталось только пожать плоды.

– Так поди и пожни! – вскричал взбешенный неповиновением магистр. – Бери войско и принеси мне голову московитского воеводы!

– Я готов во имя Богоматери в первых рядах драться с неверными собаками, – ответил герцог, – но право командования над рыцарями Запада небесные угодники даровали вам, магистр.

– И я распоряжусь им не так, как велит крестоносное сердце, а как велит холодный разум Великого Магистра Ордена Ливонского! Отправить герольда к московитам!

– Ах вот в чем дело, – ухмыльнулся Репнин, когда от сверкающих рядов неприятеля к стрелецкому каре помчался всадник, размахивая белой тряпицей. – Разговоры станем разговаривать!

– Великий Магистр, – надменно сказал герольд, которого пропустили в середину строя, к самому воеводе, – предлагает вам, дабы избежать худшей участи, сложить оружие. Он обещает жизнь всем, кроме священников богопротивной секты, именующей себя...

Он замялся, подзабыв, видимо, мудреное восточное словечко. Репнин участливо подсказал:

– Православной Апостольской Церковью, тевтонец. А кого еще не станете вы миловать?

– Казаков, что хуже орд Рогов и Магогов, хуже мавров и сарацинов.

– Ну и меня, грешного, на аркане в логово магистра поволочете, так? Послушай, мил человек, не зли меня и моих людей. Даже ногайцы и татары выказывают к противнику большее уважение, чем ваш Магистр. Не будь у тебя в руке белой ткани – уже лежал бы ты без языка, корчась у моих сапог за оскорбление веры! Ступай, пока цел, и передай своему хозяину, собака, что он сам отправится в Ивангород на аркане еще до того, как солнце сойдет с небосвода.

– Но это же неразумно! Вас всего горстка против всего Ордена! – воскликнул герольд, пропустив мимо ушей, или не поняв гневных слов воеводы. Говорил он на той пестрой смеси немецкого, польского и литовского, на котором испокон века говорила Прибалтика. Воевода, немало лет проводивший в Галиции и на Волыни, прекрасно понимал это наречие.

– А добились ли вы сдачи от рингенского гарнизона? Или им вы предложили еще более волчью сделку? Молчишь! Я-то знаю, как крут во гневе был покойный воевода Русин, небось до сих пор от ударов его воинов у магистра дрожит собачий хвост, а из глотки льется песий скулеж. Ступай уже, хватит слова говорить, пусть сталь запоеет.

Герольд повернул коня.

Кестлер мрачно выслушал его более чем сокращенный пересказ слов Репнина.

– От этих заносчивых дикарей иного и не дожدهшься. – сказал он, нахлобучивая шлем. – Ну что же, господа, кроткая Мария Тевтонская не сможет нас упрекнуть в день Страшного Суда в опрометчивости и кровожадности. Надменный враг католического мира не внял голосу рассудка, так пусть услышит он голос гнева его верных слуг!

Сотни и сотни глоток затянули под шлемами заунывный латинский гимн, и бронированные кони, медленно набирая разбег, двинулись к отряду Русина со всех сторон.

– А магистр-то глуп, как сивый мерин, – заметил Репнин. – Не дождался ни арбалетчиков, ни пехоты. Думает железяками нас спужать? Свинец стали не боится.

– Думается, батюшка, – возразил сотник, – больше свинца боится он за крепость. Не ровен час, поворотимся мы, и запремся в Рингене. Тогда пообломает он зубы о нас, как пообломал об отряд боярина Игнатьева– Русина.

– Твоя правда, – усмехнулся Репнин, опуская на шлеме-ерихонке стальную стрелку на переносицу. – Крепко запомнился им воевода рингенский.

И, привстав на стременах, проревел так, что слышали его все стрельцы, казаки и дети боярские:

– Так будем же достойны славы павших за веру и царя-батюшку! Аминь!

– Готовсь! – вскричали десятники, – Пли! Неровный квадрат окутался дымом и изрыгнул на все четыре стороны тучи свинца.

– Богородица Дева радуйся! – вскричал сотник, когда ветер изорвал в клочья дымную завесу, и вместо накапывающегося стального моря им предстали лошадиные крупы и бьющиеся в агонии кони и люди.

– Не богохульствуй! – прикрикнул на него воевода, и рывкнул, обращаясь к казакам: – Ну, братуш-ки, не дайте им вновь поворотиться, пока пищали снаряжают.

Разомкнулись ряды, и стремительные верховые устремились вослед за отступающими рыцарями.

Но не все кони и люди в ливонском стане испугались гибельного залпа.

Смешались ряды, и челядь потеряла своих вожаков, но многие сотни конных латников встретили казаков, твердо глядя сквозь решетки, забрал поверх склоненных копий.

Наскочили казаки, рубя отступающих, и отлетели назад, оставив множество тел у копыт рыцарских коней.

Репнин велел трубить отступление, и легкая конница устремилась назад, недостижимая для своих тяжеловооруженных противников.

– Немного же их вернулось, – с грустью заметил Репнин.

– Зато пищали уже изготовлены, – эхом откликнулся сотник.

– Будь проклято сатанинское отродье, – прорычал Кестлер, с трудом справляясь со своим перепуганным конем, – которое изобрело порох, оружие трусов! Благородное сражение превратилось неизвестно во что! Где времена святой райской простоты, когда дело решала смелость и крепость мечей!

И словно услышав его сквозь гул, ответил воевода Репнин, думая, что обращается сам к себе:

– Данила Галицкий и князь Александр Невский бивали псов тевтонских мечами, неужто мы не побьем их огненным боем да саблями?

– Дюже много их, батюшка, – заметил глава казаков. – Повылазили из щелей, ровно крысы. И как проглядели такое на Москве?

– А ты знай руби, а не рассуждай, – побагровел Репнин. – На Москве виднее, куда полки слать. Может, идут они на сам Феллин или, вообще, к Варшаве!

Казак криво усмехнулся.

– До смерти два шага, батюшка, не криви душой, не по-божески это. Измена завелась в царских палатах, а вернее – в княжьих хоромах, про то все в войске говорят. Не желают бояре победы над немцем, вот и бьемся мы малой силой против тьмы вражьей.

– Наше дело не князей лаять, – отрезал Репнин, – а за Русь сражаться.

– Хороший ты атаман, боярин Репнин, – заметил казак. – У нас на Дону таких веками помнят, да только к силе да к сердцу надобно еще и голову иметь. Измену за версту чую. Черную, подсердечную змею пригрел государь на груди. Не видать нам победы ни в этой сече, ни в войне Аивонской.

Репнин собирался уже дать приказ вязать смутьяна, когда вновь запели ливонцы, заревели трубы, и двинулись они на отряд.

И вновь встретил железный поток пищальный залп. Но на этот раз справились рыцари с конями, мертвых затоптали, живые, а оставалось их еще видимо-невидимо, домчались до стрелецких пик.

И понеслась потеха!

Стоящие на коленях русские ратники вспарывали пиками конские животы, с задних рядов перерубали им пики бердышами, даже раненные старались поползти до упавших из седел, пуская в ход кто нож засапож-ный, а кто и просто кулаки.

Удар строй выдержал, благо не дали первые павшие ряды ливонцев набрать кавалерии нужный разгон. А в ближнем бою тяжелая конница не имела особых преимуществ, разве что могла раздавить стрельцов своей массой.

Репнин встал на стремена, поверх стрелецких голов выцелил рыцаря с павлиньим плюмажем, послал пулю, и вычурный шлем утонул в хаосе рукопашной.

Замерший у стремени казак протянул ему новую пищаль.

Репнин вновь выстрелил, уже не целясь в кого-то особо, а метя в самую гущу противников, вновь протянул руку.

– Кончилось зелье огненное, у своих проси, – сказал казак, вытаскивая саблю и вскакивая на коня.

Репнин подозвал десятника из задних рядов, взял его пищаль и послал на землю еще одного пса-рыцаря.

Лязг и грохот, стоявший вокруг, мог ввести любого слабонервного в дрожь. Скрежетали клинки по шлемам и панцирям, ржали кони и кричали раненые с обеих сторон.

– Стоять, держаться, – перекрикивая шум сражения, проорал Репнин. – Берите на копья их, басур-манов!

– В этой каше мы потеряем всех коней, – сказал Кестлер, глядя на творящееся вокруг русского знамени, непоколебимо реявшего над стрельцами. – Следует отвести кавалерию и бросить в бой валлонов.

– Но они опять зарядят свои пищали, – возразил француз. – От этих залпов потерь больше, чем от ближнего боя.

– Вы, франки, мало смыслите в современном оружии, – сказал магистр. – Московиты шли скорым маршем, без обоза. Значит, каждый нес несколько выстрелов, не более. В худшем случае, у них есть еще один залп, а в лучшем – ни одного.

– Только на два залпа у них зелья с собой? Вот это диво!

– Отсюда не слышно, – усмехнулся магистр одними губами, – но лучшие их стрелки, наверняка, стреляют вразнобой, через головы дерущихся. Этот ближний огонь и есть самый губительный. Залпы только коней пугают и сбивают наступательный порыв. Но зато и зелье у них быстрее выходит.

Он подошел к трубачам и герольдам.

– Велите рыцарям отойти!

По сигналу, стальная хватка вокруг стрельцов ослабла.

Задние рыцари, так и не вступившие в бой, уже мчались к своим гербовым значкам, вкопанным на исходном рубеже атаки.

– Казаки – за ними!

Репнин махнул саблей, и сквозь строй стрелецкий вновь пронеслись стремительные силуэты русских степняков. Взвились арканы, выдергивая из седел отступающих, взметнулись и упали острые сабли.

Но казачья лава растворилась в ливонском море без следа. Как ни ждал их Репнин назад, ни один не вернулся из вылазки, превратившей отступление рыцарей в хаос. Воевода снял шлем и перекрестился.

– Истинно за веру легли они в землю, – сказал он. – А теперь и наш черед. Пехота идет!

Действительно, Кестлер больше не опасался, что русские прорвутся в Ринген и встанут там насмерть. Полка пикинеров и ватаги ландскнехтов с лихвой хватит для обороны подъемного моста.

Посему валлоны уже маршировали на восточное крыло стрелецкого строя, а за ними шли стрелки, на ходу вращая арбалетными воротами и накладывая стальные болты.

– Огненного зелья нет больше, – сказал своим Репнин. – Негоже нам стоять и ждать, пока всех стрелами истыкают. Вперед, на прорыв!

И стрельцы устремились навстречу валлонам.

Арбалетчики изрядно прорядили голову атакующей стрелецкой колонны, но русские все же дошли и вгрызлись в строй наемных пикинеров. Репнин дрался в самой гуще, вместе с десятком последних боярских детей, несущих знамя отряда с изображением солнца, остановленного Божьим угодником над пустыней.

– А вот теперь следует бросить в бой и рыцарей, – заметил магистр. – Я уже заплатил валлонам, не хочется лишаться последней дисциплинированной пехоты.

Репнин распластался в седле, уворачиваясь от пики, и рубанул по древку. Оно оказалось окованным, и сабля бессильно проскрежетала по металлу, щербясь и корежась.

Однако конь воеводы, взвившись на дыбы, ударом копыта проломил грудь незадачливому копейщику, отбросив искореженное тело вглубь валлонского строя.

Воевода уже сидел в седле, отводя вправо новое копейное наверхие.

– К Рингену, братушки, навались! – крикнул он. И в этот миг арбалетный болт клюнул его точно между лопаток, пробив юшман.

Воевода упал вперед, выронив саблю и обняв лошадиную шею слабеющими руками.

– Боярина убили! Смерть!

Сразу несколько глоток подхватили скорбный и одновременно грозный клич, и стрельцы рванулись вперед, не считаясь с потерями. Валлоны дрогнули от этого бешеного натиска и попятились.

Однако арбалетчики продолжали косить фланги русского отряда, а с тыла неотвратимо накатывалась рыцарская волна.

Верховые ливонцы налетели и ударили копьями в остатки отряда. Не вытаскивая своих смертоносных орудий из тел, рыцари взялись за мечи.

Началась агония отряда, ибо вырваться из смертельных объятий Ордена не было суждено никому. Кестлер с ничего не выражающим лицом смотрел, как сверкающие волны поглощают маленький островок лисьих шапок у самого подъемного моста Рингена.

Вскоре раздались победные клики, и магистр отвернулся.

С поля боя примчался давешний француз, размахивая трофейным знаменем. Он швырнул его к ногам магистра и спешил.

– Славное деяние, – скривил губы магистр. Француз выглядел смущенным и задумчивым.

– Почему никто из них не сделал даже попытки сдаться?

– Ну, как вам сказать.

– Там была одна чернь? Судя по доспеху конных московитов и их лошадям – навряд ли. Может, они не любят платить выкуп за своих? Им мешает варварская вера или какие-нибудь предрассудки?

– Вы не во Франции, – покачал головой магистр. – Здесь пленных не берут.

Он вернулся в свой шатер и только оставшись один, дал волю своему гневу.

Шлем отлетел в угол шатра, уставленный кубками и блюдами с дичиной стол полетел следом, охотничий пес удостоился пинка и с воем выскочил прочь.

– Целый месяц ушел у меня на разгром этих двух жалких отрядов московитов! И что же? Святые угодники и Мария Тевтонская – три тысячи мертвецов! Такие потери для Ордена неприемлемы! Какие великие надежды связывал я с этим контрнаступлением, и сейчас вижу дух своих сподвижников в смятении, а воинство Христово – обескровленным.

Кестлер волком прошелся по своему походному жилищу. Он продолжал рассуждать вслух:

– Очень скоро весть о разгроме двоих московит-ских воевод уйдет за реку Нарову, и в Ливонию хлынут русские орды, смертоносные пушки, дикие казаки. Я опять вынужден

перейти к обороне, а это смерти подобно. Что скажет о бессилии Ордена Запад? Где взять деньги, чтобы пополнить потери в людях и конях? О горе мне! ..

Он уселся на скамью и обхватил голову руками. Через некоторое время отчаяние сменила холодная ярость.

– Где тот болван, что должен был раздавить отряд Репнина еще на подходах к Рингену? Явившийся на зов оруженосец с замиранием сердца смотрел в красные от бешенства глаза магистра.

– Он продолжает преследовать по восточному тракту... – он замаялся, – отряд Репнина... Гонец от рыцаря Фелькензама прибыл совсем недавно.

– Велите всыпать гонцу палок, а когда придет в себя, отошлите за его глупым хозяином. Довольно ему сражаться с призраками! х

Через трое суток у того же шатра спешился уставший до смерти от бесконечной скачки рыцарь Фелькензам. Его загнанный конь тут же свалился набок и околел.

Рыцарь вошел в шатер и сорвал с головы шлем.

– Итак, – констатировал магистр, – московиты провели вас, словно лисица – туповатую гончую. Вместо того чтобы развивать наш временный успех после Рингенской осады я вынужден был принять на себя удар отряда Репнина.

– Мой повелитель...

– Молчите, Фелькензам! Если бы не славные деяния ваших предков, послужившие славе и величию Ордена...

Кестлер сделал пальцами такое движение, словно ногтями срывал кожу с отрубленной головы злосчастного полководца.

– Вы уже знаете о наших потерях? А о том, какие настроения царят среди наемников? Если, говорят они, такова цена за победу большой армии над малыми полками, что будет, когда из-за Наровы вновь явится вся рать московитов!

– Но мой магистр, – попытался сказать слово Фелькензам, – по варварам нанесен серьезный удар. Они лишились крепости, полностью уничтожен деблокирующий отряд, а наши силы в целости и сохранности.

Магистр криво усмехнулся.

– Вижу, рыцарская доблесть не покинула потомка славного рода в той же степени, как его покинули таланты полководца.

Рыцарь вспыхнул, но смолчал под колючим взглядом Кестлера.

– Вам кажется, что мы можем развивать свой временный успех, не так ли?

– Разумеется, хвала Деве Тевтонской, все обстоятельства на нашей стороне!

Фелькензам коршуном метнулся к карте, выхватил кинжал-мизерикорд и принялся тыкать им в папир:

– Здесь и здесь стоят мелкие русские гарнизоны. Дайте мне треть войск, собранных под Рингеном, и через месяц славянского духа не будет на священной Ливонской земле! Я ручаюсь за успех предприятия головой!

Кестлер потер кончиками пальцев мешки усталости под воспаленными глазами, шепотом воззвал ко всем святым, что могли спасти бездарного и запальчивого рыцаря от праведного гнева его повелителя.

Похоже, святые угодники помогли, ибо тот день рыцарь Фелькензам пережил, не угодив ни в ринген-ский каземат, ни напрямиком на плаху.

– Способны ли мы платить столь великую цену за столь ничтожные победы? – спросил он вслух, словно беседовал не со своим провинившимся и жаждущим оправдаться подчиненным, а с целым сонмищем тевтонских небесных покровителей.

– Бескровные победы – трубадурская сказка, мой магистр. Во все века крест укреплялся в этих диких землях кровью и железом.

Но повелитель Ливонии, казалось, вовсе не слушал его. Он наморщил лоб и принялся рассуждать вслух, вяло водя пальцем по карте. При этом он брезгливо оттолкнул в сторону рыцарскую длань, и Фелькензам, извинившись, с лязгом забросил мизерикорд в ножны.

– Если бы мы вели войну с европейцами, то в вашем плане имелся бы смысл. Прах побереи демонический Восток – ведем мы войну с самим Саладином, я бы позволил армии развить успех и выйти к Нарове. Но мы имеем дело с совершенно непредсказуемым и диким противником.

– Что в них особенного, кроме уже упомянутой дикости? – пробормотал Фелькензам, и глаз Кестле-ра дернулся.

Но набежавшая на чело гневная тень растаяла, и он продолжил свой неспешный монолог:

– Моим могущественным друзьям и недругам на западе кажется, что московиты терпят неудачу. Советники русского царя, алчные до татарских и ногайских земель на юге, сделали все, чтобы убрать из Ливонии основные силы. Боярство нынешнее, да и самозванные варварские князья уже не те, что были при Иване Третьем. Сейчас среди них грызня, ровно в волчьей сваре. Они стали подобны ляхам и литвинам, только хуже. Небольшие страны, такие как Польша и Литва, могут позволить себе строптивую знать, а вот гигантская держава Иоанна трещит по швам. Из-за смут и сумятицы внутренней злейшие враги запада убыли из Нарвы и Пскова вглубь варварских земель – рубить головы и сажать на кол. Мне удалось вывести в поле закованную в сталь армию, взять крепость и разбить спешивший на помощь отряд московитов.

Кестлер усмехнулся горько, словно выпил чашу прокисшего рейнского, подsunутого нерадивой ключницей.

– Курбский в смятении, топчется где-то возле Пскова, ожидая то ли приказа идти на татар, то ли манны небесной. Кажется – вот оно! Два-три победоносных штурма – и города Ливонии свободны, войско магистра подходит к жемчужине в Ливонской короне – Нарве! Дикий русский медведь-шатун, выбравшийся из берлоги, с позором изгоняется назад, в заснеженные и глухие леса!

Судя по лицу Фелькензама, рыцарь именно в такой перспективе и видел грядущие события.

– А на самом деле, – магистр взял кубок, пригубил его (вино действительно оказалось кислым), и швырнул оземь, – мы в тупике!

– Почему же? Магистр, голова моя непривычна к извивам мысли, путь к истине кажется мне таким же прямым, как древко копья или клинок романского меча! Молю, объясните мне причину своей печали!

Кестлер устало посмотрел на сбитого с толку рыцаря.

– Ваша голова и впрямь более привычна к шлему, а не к государственному мышлению, Фелькензам. Как и у многих потомков славных рыцарских родов, увы! То не вина ваша, а беда... Царь Иоанн – жестокий и дальновидный политик. Мне доподлинно известно, что он сознательно изображает слабость центральной власти и собственную немочь, дабы выяснить, кто одобряет его западную политику, а кто против нее. Не пройдет и нескольких недель, как в Москве полетят головы тех, кто в безумии своем хотел давлением на «больного» государя двинуть полки на завоевание южных земель. А потом, под командованием молодых воевод орда вновь хлынет с востока, сметая все на своем пути.

– Мы достойно встретим ее! – запальчиво воскликнул Фелькензам. – Даст Дева Тевтонская – так на стенах отбитой Нарвы!

– Прежде чем положить половину войска под пушечными ядрами нарвского гарнизона, – проворчал Кестлер, – следует очистить от мелких отрядов московитов наши фланги. Рыцари не могут воевать без обозов и снабжения, а летучие отряды казаков превратят наши тылы в хаос.

– Так дайте мне войско! Через пятнадцать дней в лапах царя варваров останется только Нарва! Весть о поражении рингенского отряда и воинства Репнина очень скоро докатится до этих мелких гарнизонов, они будут деморализованы...

– А вот тут сказывается ваше полное... – Кестлер проглотил вертевшееся на губах оскорбление, —... непонимание обстановки. Европейец, узнав о том, что в его стране смута, основная армия куда-то делась, а соседи разбиты, действительно, впадет в черную меланхолию, граничащую с трусостью и малодушием. А русские, верьте моему опыту, сделаются злее. До этого они воевали с ленцой, думая, как бы остаться в живых и вернуться к своим женам и детям. А вот когда они окажутся обитателями островков в море ливонских рыцарей, тут-то все демоны ада, населяющие темные уголки их варварских душ, возьмут бразды правления в свои руки! Загнанный в угол москвит, лишенный надежды, еды и подмоги – во сто крат опаснее сытого.

Фелькензам пробормотал что-то, теребя кинжальные ножны. Потом поднял вверх задумчивое лицо.

– Действительно, – сказал он, – по мере того, как уменьшался тот отряд, который я принял за основные силы Репнина, они дрались все ожесточеннее. Будь на их месте ландскнехты – с каждым днем отступления с противником на плечах они теряли бы остатки воинского духа и дисциплины.

– Вот видите, благородный рыцарь, и вы находите правоту в моих словах. К сожалению, вся бездна разверзшейся передо мной правды вам недоступна. – Кестлер локтем отодвинул карту, та съехала на пол и осталась лежать, не нужная никому. – Рингенский гарнизон верил, что его спасет от гибели Репнин, но дрался отчаянно, нанеся нам серьезные потери. Подошедший следом отряд не надеялся уже ни на что – и произвел буквально опустошение в наших рядах. А что будет с этими разбросанными там и сям шайками? Они вrastут в землю и камень, превратятся в огонь и пламя. Не будет ни пленных, ни освобожденных городов и замков. Только пылающие развалины и груды мертвых тел. А потом – Нарва! .. Десятки пушек, перевезенных сюда из Ивангорода, сильный гарнизон, пиратская флотилия на реке, близость к ведущим на Новгород дорогам. Ее нам не взять, Фелькензам.

– Пусть так, – признал очевидное пылкий рыцарь. – Но мы встретим рать москвитов не в глубинах собственных земель, а на границе, и дадим бой. Давно сталь рыцарских мечей не сталкивалась в открытом поле с варварскими саблями!

– Отчего же давно, – жестко сказал магистр, – а как же Грюнневальд? Ляхи, литвины, русские и татары, втоптавшие в грязь наше войско в том сражении, доказали всему миру, что век рыцарства уходит.

– Он никогда не уйдет на покой, если живы...

– Такие, как вы, Фелькензам.

Кестлер усмотрел на своего собеседника глазами мудрого старика, созерцающего, как мальчик впервые в жизни пытается проверить, что прочнее – его дух и тело, или броня окружающего мира.

– Мелкие победы дадут нам некоторый шанс, – минутная слабость покинула железного магистра, и он вновь рассуждал о делах великих. – Запад даст деньги, нужные на наемников, корабли и пушки. Поляки и литвины не кинутся делить наши земли, а станут наблюдать за противоборством Ордена и Московии. Но нам следует зарубить себе на носу...

Тут он погрозил Фелькензаму кулаком:

– Ближе к Нарве не подходить! Иначе весь мир поймет, что русские утвердились на Балтике, а мы бессильны. Да и противоборства в чистом поле с армией Курбского мы не выдержим...

– Да почему, прах меня разбери! – не удержался рыцарь. – Преимущество этих варваров состоит в пищалях и пушках? Отлично! Не станем же дожидаться, когда они закидают нас ядрами в наших собственных замках! Пушки заряжаются медленно, всадники в броне скачут быстро! Таранного удара рыцарской конницы в чистом поле не выдержит ни одна армия в мире!

– Вздор! – Кестлер, обозленный тем, что прерван поток его мыслей, едва и сам не сорвался на крик.

– Во время Грюнневальдского сражения, которое было угодно помянуть магистру, – сказал Фелькензам, – рыцари домчались до польских и литовских пушек раньше, чем те успели сделать второй выстрел, и вытоптали их начисто, а потом уже взялись за татар и смоленские полки. Если бы не разбойничья тактика князя Витовта... да еще и отсутствие пехоты – история пошла бы совсем по-другому, А сейчас у нас есть пехота! Ландскнехты, пикинеры и арбалетчики вполне могут противостоять стрельцам, дать возможность рыцарям перестроиться и нанести не один, а два, три, сколько нужно таранных ударов!

– Вы видели гуляй-город, Фелькензам? – участливо спросил Кестлер.

Рыцарь на миг замолчал.

– Только слышал, – признался он. – Какие-то доски на полозьях или колесах? Этим не остановить рыцарей!

– А вы знаете, – тем же тоном продолжал магистр, – что пушки сейчас совсем не те, что были во время Грюнневальда?

– Тогда они не убили и сотой части атакующих,

– пожал плечами упорный тевтонский паладин, – сейчас будет несколько хуже, я полагаю.

Но все одно

– дело решат удары копий и мечей!

– Если бы ангелы небесные вселили в мою душу ту же уверенность, что вселили в вас... –

Кестлер надолго замолчал, а потом продолжил: – Я буду думать. Ясно только одно – вы рветесь в бой, а мир и Ливония не простят мне любого неверного шага.

Поняв, что разговор окончен, Фелькензам откланялся и вышел вон.

Больше всего он был недоволен тем обстоятельством, что магистр отозвал его из авангарда в тот самый момент, когда рыцарь уже настиг ускользающий Чернокрылый Легион.

* * *

Рыцари, к немалому изумлению Шона, казаков и черкесов, повернули назад, к Рингену. Причем в то время, как могли шутя раздавить русских.

Немало удивились и затаившиеся в лесу назгул и Дрель, когда мимо них потянулись понурые ватаги кнехтов и рыцарские ватаги.

– Если Владыка Мелькор хочет кого-то наказать, – заметил ангмарец, – то он лишает его разума. Кажется, ливонцы сильно прогневили Вечную Тьму.

– Да просто поняли, что без больших жертв им с Легионом не совладать. Толку с этой победы – шиш, а умирать никто не хочет за просто так, – ответила эльфийка.

Ангмарец вздохнул.

– Большие потери? Да затоптали бы они наших. Еще пара километров – и дальше ровное поле. Там с «консервами» не побьешься. Тут что-то другое.

– Не преуменьшай силу Легиона, злыдень!

– А ты – не преувеличивай. Ну, хватит трепаться, уже и обоз германский прошел. Аида к своим. Дурацкая и ненужная у нас с тобой разведка вышла.

– А так и бывает на настоящей войне, – уверенно сказала Дрель, выбираясь на большак. – Только фильмы снимают об удачных моментах, а рутину оставляют за кадром.

Глава 3

Гретхен

Восточная Ливония, XVI век

В небольшом тевтонском городке, который пока миновала разразившаяся над всей Ливонией военная гроза, был трактир без названия. В нем останавливались курьеры магистра с важными пакетами, зашитыми за обшлага золоченных камзолов, оруженосцы рыцарей с любовными письмами своих сеньоров, засунутыми за голенища сапог, невзрачные личности, шныряющие из города в город по указу могущественной Фемы. Иногда здесь гостили паломники из далеких франкских или генуэзских земель, ватаги наемников, идущих под знамена Кестлера или бегущие из-под оных, поджав хвосты.

Но так было в обычные деньки. Сегодня же в таверне творилось нечто из ряда вон выходящее. Старший сын хозяина и его худосочная дочь скоблили ножами деревянные тарелки, младший вертелся возле коней, поставленных гостями в стойла, то в десятый раз подсыпая в ясли отборного овса, то протирая крутые бока ухоженных скакунов.

Сам Кривой Гюнтер, обряженный (экая невидаль!) в мятую, но свежeweыстиранную рубаху и бархатных жилет, покрикивал на кухарок, семена между главной залой, и стряпчей комнатой своего заведения. Он гадал, во благо ли принесла Дева Тевтонская в его Богом забытый уголок этих гостей, и чем закончится сегодняшняя ночь – сказочным барышом или кровавой баней для него, и его домочадцев.

Испугаться было чего.

За столом восседал важный литвин, весь в бантах и галунах, теребя каштановые завитые локоны и поглядывая на худые коленки хозяйской дочери, всем своим видом показывая, что разговор его совершенно не интересует.

Напротив него сидел высокий и тощий, словно гвоздь, священник, так и не притронувшийся к лучшему хозяйскому вину.

Слева от божьего человека над блюдом с растерзанной куропаткой нависал лях, плечи которого с трудом просунулись в дверной проем, а усы смахнули пыль с верхних полок над хозяйской стойкой. Игнорируя сомнительные прелести молодой немки, он с вождением вдыхал соблазнительные ароматы, несущиеся с кухни.

Справа и ближе к выходу развалился с полупустым кубком в руках ливонец, так и не снявший щегольского поддоспешника и стальных набедренников.

Первый был личным посланником великого герцога Литовского: второй – влиятельнейшим священником в тевтонской земле после магистра, третий – правой рукой самого Стефана Батория, четвертый – знаменитым рыцарем Фелькензамом, победителем московитов.

Всякий хозяин харчевни пришел бы в благоговейный восторг и одновременно ужас от подобной компании. Всякий, но только не умудренный опытом Кривой Гюнтер.

Ему при данных обстоятельствах было наплевать и светских, и на церковных вельмож, равно, как и на грозного рыцаря. В дрожь его бросала женщина, притулившаяся у камина и созерцавшая горящие веселыми огнями угли.

Звали ее обычно фрау Гретхен, хотя слышал Гюнтер и иные ее имена, а всех, верно, не помнила и она сама. Клубок интриг, опутавших Ливонию, многие годы покоился в этих холеных ручках. По сравнению с подлинной властью, которой обладала в стране эта женщина, все титулы и должности остальных присутствующих меркли.

Но фрау не раз и не два гостила у Гюнтера, привыкла к нему и даже иной раз ласкала взором, словно домашнюю собачку. Видимо, нахождение в среде скользких и зубастых про-

ходимцев заронило в ее душе любовь к простым и незатейливым германским обывателям, не таскающим за жилеткой удавки или ампулы с ядом, и не хранящим в подполе скелеты своих конкурентов.

Прямо над лавками и столом вельможных гостей находилась круглая комнатка, отпиравшаяся на долгой памяти Кривого Гюнтера всего трижды. Ее берег для особенных посетителей еще его дед. Сейчас в ней сидели при свете свечи пятеро ничем не примечательных человека. Разные по возрасту и телосложению, они показались хозяину чем-то неуловимо схожими. Угадать возраст любого из них было решительно невозможно. Перепачканные чернилами руки говорили о том, что они вряд ли уверенно держат в пальцах меч или плуг, весло или кузнечный молот. Но короткие мечи на портупях и парные к ним кинжалы могли поведать забывшемуся забулдыге в темной подворотне, что с этих ребят вряд ли удастся безнаказанно срезать кошелек. А у того, кто заглянул бы в блеклые глаза на бледных лицах, словно бы вовек не видевших солнца, тут же образовались бы срочные дела в другой части Европы.

Простые потертые плащи, добротная, но дешевая одежда, одинаковые кольца на безымянных пальцах рук. И еще – голоса. Надтреснутые и почти совсем лишённые эмоций голоса, в которых Гюнтеру мнился топоток крысиных лап, хлопанье крыльев кладбищенских нетопырей, шорох выпархивающих из ножен клинков.

Но больше всего хозяина пугали их простые жестяные кольца, нарочито грубые и весьма неуместные на фоне толстых кошелёв и изукрашенных ножен.

Знак Фемы, известный многими посвященным в Ливонии, сам по себе внушал почтение. Но чего бояться простому обывателю, который вряд ли мог попасть в поле зрения ночных хозяев страны? Гостили у Гюнтера многие курьеры фрау Гретхен с подобным знаком на кошелёх, или серебряных побрякушках...

Но небрежение, с каким знаки были нанесены на жестяные кольца, сказало наблюдательному Гюнтеру

– Священство и рыцарство разоренной и поруганной дикарями орденской земли, – промямлил непьющий участник тайной вечери, – считают, что магистр Кестлер впал в греховную панику и всеми силами препятствует победе христианского оружия над славянскими сарацинами.

– В то же самое время, – заметил Фелькензам, ковыряя в зубах деревянной вилкой, – Орден не может потерпеть смуты и шатания в своих рядах. Перед угрозой накатывающейся с востока орды мы должны остаться сплоченными!

«Есть по этому поводу отличная славянская поговорка, – про себя подумала Гретхен. – Что-то там про рыбку и еще что-то... нужно будет уточнить. Одним словом – хочется двух весьма различных вещей. Чтобы Орден остался единым, и война шла не как сейчас. А потому, любезные ночные рыцари из Фемы, сделайте, чтобы все стало именно так, как нам хочется».

– Смещать магистра – большая глупость, – согласно подкрутил ус поляк. – Именно такими словами проводил меня... один знатный господин, чье слово значит многое в Европе.

– Подобное мнение велено передать и мне, – поддакнул литвин.

– И только вам, – завершил мысль Фелькензам, – уважаемая фрау Гретхен, и представляемому вами ордену под силу убедить Кестлера отдать вожжи военной колесницы в руки более достойные.

– К сожалению, – с видимым усилием констатировал священник, с нескрываемой ненавистью глядя на Гретхен, – все остальные способы влияния на магистра использованы и не дали желаемых результатов. А ваше влияние на неразумного владыку ливонской земли, говорят, всеобъемлюще и прочно.

– Сие есть преувеличение, как и многие другие сказки о... нас.

Гретхен смахнула со скамьи невидимый сор и села, в очередной раз изучая лица собеседников.

Фелькензам. Этот молодчик действительно годится, как никто иной, на уготовленную ему судьбой незавидную роль. Бесстрашен, глуп, порывист. Много лет провел на Западе, в самой Аивонии всегда имел дело с южными соседями, славянами-католиками. Доказал, что не боится крови и славы мясника. В этом он значительно превосходит Кестлера.

В течение двух недель рыцарь взял штурмом занятые русскими замки, забив рвы трупами своих и чужих воинов, пока магистр с основной армией безучастно стоял под Рингеном. Противники войны на западе в Москве попрятались по щелям, чему в немалой степени способствовало появление там Басманова и остальных опричников. После гибели отрядов Репнина и Русина, падения замков и выхода передовых разъездов Фелькензама к Нарве даже самые ярые сторонники мира взбеленились.

Курбский получил от царя такой нагоняй, что сделался страшнее грозовой тучи, стал скликать разбредшиеся из-под Пскова полки, словно насадка разбежавшихся цыплят. Армия московитов очень скоро вновь двинется на запад.

Кестлер понял, что на большее его воинство не способно. Он ждет, когда с запада хлынут деньги, наемники, новейшее оружие, паладины, готовые умереть за веру. В силу тевтонских рыцарей он больше не верит.

Самое омерзительное, думала Гретхен, во всей этой истории: магистр чует, что дни Ливонии сочтены. «Это тебе не Фелькензам, – рассуждала она, вспоминая последний разговор с магистром. – От него-то не удалось утаить ни литовских, ни польских хоругвей, сосредоточенных на южных границах орденских земель. Он знает, что любая оплошность в войне приведет страну к катастрофе, к хаосу, в котором ляхские, литвинские и московитские хищники будут рвать друг друга на части, деля вековые владения крестоносцев».

– Действительно, – сказала она наконец, видя нетерпение присутствующих, – магистр ведет себя странно. То стоит с армией на месте, то движется к Ревелю, то вообще уходит на восток, постоянно возвращаясь к Рингену. Его дух сломлен, он не может вести рыцарей к победе.

– А победа лежит в полевом сражении, – Фелькензам сжал кулаки, – в честном лобовом столкновении, без всяких хитроумных маневров, осад и пушечной пальбы. Рыцарская армия в состоянии сломить первую же рать, что сунется на восток от рубежей Наровы. А славная победа вдохновит наших союзников на помощь изнемогающей Ливонии.

– Хорошая взбучка вселит мужество в сердца паладинов Запада, – поддакнул посланец Батория, – и может послужить уроком русскому царю. Глядишь, он удовлетворится устьем Наровы.

– Не бывать этому, – вскричал Фелькензам. – Случись небесам даровать нам победу в полевом сражении – и мы осадим Нарву!

– Осадить-то осадите, – пожал плечами поляк, – только без инженеров, новых пушек и свежего войска вряд ли возьмете.

– Чтобы все это было, – вновь заговорила Гретхен, – требуется разбить авангард московитской орды. После этого помощь золотом и людьми Ливонии обеспечена.

– Так вы готовы оказать требуемое влияние на магистра, фрау?

Священник буравил Гретхен своими маленькими глазками. «Смотри-смотри, – усмехалась та. – Давно ли вы называли нас ведьмами и ведьмаками? Жгли на кострах, обвиняя то в язычестве, то в вере в сатану, то в ереси? А теперь униженно молитесь о помощи».

– Я уверена, что и семи дней не пройдет, как рыцарь Фелькензам возглавит ливонскую армию...

– И при этом не нужно будет хоронить магистра, собирать капитул или ввергать его в узилище?

– Разумеется, нет.

Фелькензам рукавом стеганого кафтана утер лоб и повернулся к посланнику Батория.

– Придут ли нам на помощь ваши хоругви? Гретхен напряглась. Момент был весьма и весьма щекотливый. Но южный «добрый сосед» не оплошал.

– Вступать в открытую войну с Московией мы не можем, – откашлявшись, четко произнес он, – пока не решится тяжба о престолонаследии в Аитве и Польше.

Фелькензам хотел что-то возразить в свойственной ему бескомпромиссной манере, но его собеседник не дал себя перебить, возвысив голос:

– Однако я имею высочайшее дозволение отпустить в вашу армию саксонских аркебузистов и богемских пикинеров.

– Наемник – он и есть наемник, – подтвердил второй «добрый сосед Ливонии». – Из-за них Иоанн не станет объявлять войну. Скорее всего, просто не заметит их присутствия. У вас ведь тоже встречаются и валлоны, и французы, и скандинавы, рыцарь Фелькензам?

– Хватает у истинной веры и таких защитников, кто служит мечом и копьем не за звонкую монету, – надменно ответил ливонский кавалер.

– Готовы ли вы возглавить христианскую рать? – спросила Гретхен.

– Разумеется, да хранит меня от робости Небесное Войско!

– Таким образом, – подытожила фрау, – все, что должно было прозвучать под этими сводами...

Тут она с милой улыбкой посмотрела вверх, где невидимые снизу уши прильнули к специально устроенным слуховым отверстиям.

– Уже отзвучало. Позвольте мне отдохнуть, дабы затем отправиться в ставку магистра для решения нашей основной проблемы. И она двинулась в сторону отведенной ей комнаты. Тут же поднялся литвин.

– Хозяин, конь мой готов к дороге?

– Вы двинетесь в такую рань? Разумеется, сынишка сейчас оседлает.

Поляк шевельнул усами и осушил свой кубок.

– Пора и мне в дорогу.

Фелькензам, явно рассчитывавший на попойку в рыцарском кругу после утомительных переговоров, с ненавистью уставился поверх чаши на кислую физиономию священника, оставшегося за столом.

– Тогда и я-отправлюсь к войскам, – выдавил он. Не прошло и получаса, как он и литвин домчались до развилки тракта.

– Удачи в битве! – услышал Фелькензам, когда его спутник повернул к югу.

Когда стук копыт тевтонской лошади растворился в утреннем тумане, литвин повернул коня на юг.

Выспавшись кое-как, в дорогу тронулся и священник. Поляк несколько миль пытался развлекать его сальными анекдотами из жизни краковской знати, но вскоре начал скучать и пристроился к каравану купцов, спешивших увезти товары подальше от охваченных войной земель.

А в харчевне Гюнтера тайная вечерня продолжалась.

Пятеро членов верховного судилища Фемы выслушали от Гретхен все нюансы разговора в нижнем помещении.

– Согласится ли магистр отдать войска Фелькен-заму? – спросил первый.

– Это – самая легкая часть задачи, – безмятежно улыбнулась Гретхен. – Он просто занеможет, а рядом окажется та, кого он так желал все эти годы.

– Главное вам, фрау, – наставительно сказал второй, – не заиграться в эту интрижку. Вы нам нужны подле Батория, а не в палатке этого ветхого вождя ветхого рыцарства.

Гретхен криво усмехнулась.

— Вряд ли меня позабавит и надолго отвлечет от дел этот походный роман.

Третий член Шемгерихта оглядел своих коллег.

– Все ли мы взвесили, братья? Ведь принятые нами решения изменят очертания мира в северной Европе на многие годы, если не на века?

– Но и предотвратят еще большие изменения, – возразил четвертый, – угодные одним только москвитам. В чем твоя тревога, брат?

Последний из верховного судилища ответил:

– Мне и самому тяжело признать, что Орден, великое детище Крестовых Походов, усмирявший варваров и продвигавший столетиями цивилизацию на Восток, должен погибнуть. Но мы, как никто в мире, знаем – он прогнил изнутри, немощен, ненавистен соседям. Его рыцари стали тенями, призраками на кладбище древней Европы, пугалами в давно заброшенном поле.

Возразивший второму печально кивнул головой, признавая правоту говорившего.

– Армия московского царя рано или поздно уничтожит Орден, варвары закрепятся на всем протяжении его морских владений, и тогда не найдется силы, способной загнать их назад, за прежние рубежи.

– Фрау хочет нам что-то сказать, – с бледным подобием улыбки на устах заметил первый из незримых владык Ливонии, – да и по праву – ведь идея принадлежит ее светлой голове.

Гретхен слегка смутилась, что с ней случалось крайне редко. Как высоко бы она ни парила, эти пятеро даже для нее были недостижимыми.

– За последние века часть дикарей удалось цивилизовать, – сказала она. – Молодые племена, живущие к югу от Ливонии, сделали свой выбор в пользу Запада. Может статься, в этом и была историческая роль Ордена, кто знает? Им следует сделаться наследниками великой идеи – держать восточного дьявола за стальными засовами и острыми рогатками.

– Да и вождь их, молодой Батори – подает бо-ольшие надежды, – заметил четвертый безымянный член Фемгерихта. – Некогда я звал Елизавету Батори... Весьма, весьма была экстравагантная особа.

«Да сколько же тебе лет, – ужаснулась Гретхен. – Елизавета купалась в кровавых ваннах и выкалывала глаза служанкам золоченной шпилькой... э-э... довольно давно...»

– Открытое вмешательство польско-литовских войск в войну, да еще и без всякого повода, – продолжил мысль первый, – вызвало бы немалые кривотолки в Европе.

– А не получится ли так, – спросил первый, – что наш паладин разобьет русских?

– Что же, честь ему тогда и хвала, – откликнулась Гретхен. – Только вряд ли. Но если вдруг – то москвиты станут слабее, и Баторию будет легче отогнать их от Балтийского Моря.

– Ну не Роланд же он, и не Карл Великий, в самом деле! Одним мечом сразить сотни полков – право, мы начинаем верить в сказки. – Третий руководитель Фемы встал и потянулся. – Разобьет головной полк, и что с того? За ним придет следующий, потом еще два, потом три. Нет, рыцарство тевтонское не может победить в этом противостоянии. Давид и Голиаф – весьма интересная сказка, только великан вооружен пищалью и пушкой, а праща нашего героя давно сгнила, и снаряды не пробивают броню.

– Фрау, – торжественно сказал первый, – Фем-герихт благодарит вас за ваши дела, мысли и слова. Лучшего исхода и ожидать не приходится. Один бой, одно поражение, один новый король в соседней стране – и здешние земли останутся за Западом, а не за Востоком.

– Орден умер, а Тень его жива, – пробормотала Гретхен сама себе под нос, когда пятеро людей-призраков выскальзывали из круглой комнаты.

Глава 4

Серебряный князь

Наконец свершилось! Русская армия во всей своей красе тронулась по многим дорогам со стороны Пскова и Печерского Монастыря вглубь Ливонии, огибая Чудское Озеро с юга по огромной дуге. Полки шли автономно, различными колоннами, выслав далеко вперед конные ертаулы, прикрыв фланги роящимися казачьими отрядами. Сквозь это сито не удалось проскочить ни одному ливонскому отряду из тех, что норовили задержать шествие москвитов.

Князь Курбский был отозван царем. Герою казанскому предстояло долгое разбирательство относительно «странной войны» прошлого года, гибели двух русских отрядов и неважно налаженного снабжения войск.

Временно возглавил основные силы герой Астро-ханского похода князь Серебряный.

Воевода оказался деятельным, поспевал повсюду на своем диком черном жеребце.

Только что он ел походную кашу с казаками ертаула – а он уже в пушечном обозе, пеняет нерадивым возничим. Не успели те перевезти дух – а он уже у недавно наведенной гати, разбирается, почему утопла телега с провиантом.

Настал черед и Чернокрылого Легиона, отряженного в боковое охранение головного полка. Князь явился во главе малой дружины из полусотни панцирных кавалеристов, подобранных подстать своему могучему вождю.

– Видно, хотел явиться и устроить нагоняй за плохое несение службы, – усмехнулся ангмарец, лежа в кустах рядом с Шоном, который азартно выцеливал княжеского телохранителя из арбалета. – Только нас на этом не поймаеть.

Стремительный конный кортеж, вынырнув из утреннего тумана, ворвался в пустую стоянку. Вяло дымились три костра, разведенных в яминах. Булькала в котле подгорающая каша, полоскалось на пеньковой веревке чье-то исподнее.

И все.

Более – ни души.

– Разбежались они, что ли, батюшка? – спросил рябой детина из боярских детей, ходя меж разбросанных вещевых мешков.

– А кашу нам оставили? – ответил вопросом на вопрос Серебряный. – Верные люди говорили – крепкий отряд. Может, мор какой случился?

– Ладно, хватит уже дурака валять, – сказал Шон. – Князь все-таки...

Ангмарец крикнул с вершины холма, собрав ладони рупором:

– Вы чьи такие шустрые, людишки?

В стане князя произошел небольшой переполох. Но налюбоваться своей беспомощностью люди Серебряного игровикам не дали. Миг, и в седлах никого не осталось, вождя прикрыли щитами, в сторону леса ощерились копья, пищали и снаряженные луки.

– Назовись, – прокричал воевода, безошибочно определив примерное местонахождение ангмарца. – А лучше выйди на свет, мил человек. А то с перепугу кто-нибудь стрелку каленую пустит.

– Кто в гостях, тот и называется, – назгул упрямо выпятил челюсть и подмигнул Шону.

Но тот был мрачен. Вместо улыбки отложил арбалет, изобразил двумя руками знаки «виктории» и наложил один на другой. Получилась вполне себе ничего тюремная решетка.

– А еще вернее, – сказал он, – по вырывании ноздрей сошлют в Соловки.

– Накаркаешь еще. – Ангмарец поднялся и собирался уже спуститься с холма, когда не выдержали нервы у одного из княжых людей.

– Ты с кем лаешься, морда? Пред тобой князь русский!

– Это какой такой князь, Курбский что ли? Так мы его уже и увидеть отчаялись, мил человек. Да и не похож этот на Курбского.

Назгул остановился и трижды свистнул по-разбойничьи.

Гребень соседнего холма тут же покрылся людьми с оружием в руках, из оврага вынырнули черкесы, небрежно помахивающие сабелями.

Этим любой князь, кроме самого царя, также был побоку.

– Совсем не похож, – сказал ангмарец, неспешно спускаясь вниз. – Если только брюхо не потерял по дороге.

Неожиданно напряжение снял сам Серебряный. Он расхохотался, оттолкнул двоих ратников, укрывающих его от «ворога», и пошел навстречу ангмарцу.

– И верно, – сказал он, хлопая по облитому кольчугой торсу, – маловато мошны наел, а что наел, так по дорогам здешним поганым растряс. Только верно человек мой слово сказал – князь я. Серебряный, слыхал о таком?

«Даже книжки читал, и фильмы смотрел», – хотел сказать назгул, но удержался..

В действительности воевода мало напоминал актера-певца Талькова.

Ростом был поменьше, но шире в кости, а физиономия его подходила скорее бессмертному Чапаеву из черно-белого ветхозаветного кинофильма. Те же усики, хитрые глазищи, только волосы «не по уставу» струятся до плеч, выбиваясь из-под кольчужной бармицы тончайшего плетения.

– Не гневайся, – сказал ангмарец. – Не признал тебя, да и признать не мог. Не встречались мы.

– Да? – вскинул брови воевода. – А меня морок взял, будто ходил ты на Асторокань со мной, на струге Федьки Косолапого.

– И его не знавал, и на стругах никогда не ходил... – Назгул остановился и махнул рукой.

Чернокрылый Легион и его горские союзники, пряча оружие, двинулись к своей стоянке.

– Чего в лес-то порскнули? – спросил Серебряный, знаком велел и своим оставить в покое рукояти сабель.

– Так ты налетел из тумана, ровно тать какой, уж не обижайся. А мы уже ливонцем ученые, как копыта кто услышит – занимаем оборону.

– Толково занимаете, – усмехнулся князь. – Будь я Кестлером, уже валялся бы мертвее мертвого у подгоревшего кулеша.

– Дивное дело, – назгул рассматривал собеседника, словно заморскую диковинку, – увидеть князя так далеко в поле.

Тот насупился.

– Когда Казань да Асторокань брали, или ногойца по шляху гнали – не в диво было князей ратникам видать. Проказа какая головы воеводам нашим выела, сидят во Пскове да Ругодиве, разумеют – казачки да стрельцы сами немца одолеют, без них, пресветлых.

– А ты, выходит, другой:

Ангмарец давно подрастерял робость перед знатными особами. Во-первых, общение с самим Басмановым, во-вторых – фронтовая обстановка.

Воевода огляделся и двинулся было к бревну, но его опередил один из ратников, взгромоздивший на поваленный ствол седло.

На него и сел Серебряный, поигрывая ногойкой и разглядывая воинов Легиона, вернувшихся к своим бивуачным занятиям – кто завалился под куст с мешком под головой, кто кинулся спасать угасающие костры и пропадающую кашу.

– Вольница у тебя, боярин, – сказал он наконец, и по тону нельзя было сказать, осуждает он ее, или даже приветствует, – словно у казачков.

– Так казачью работу и выполняем, – сказал на-згул, устраиваясь напротив князя.

Увидав это, Серебряный покачал головой:

– Точно не ходил на стругах? Вон и сидишь, ровно засечник или мордвин.

«Ну и осел, – в сердцах отругал себя ангмарец. – Еще бы в индийскую падмасану уселся».

– От засечников набрался, – буркнул он неопределенно. – А про нас у Зализы из Пустоши Северной следует спрашивать, или у князя Басманова.

– Эк хватил... – Серебряный сунул нагайку за отворот сафьянового сапога. – У Басманова! Ну, полно, не желаешь о себе гутарить, так и не надо.

«Интересно, – подумал назгул, – он решил про себя, что я какой-то особо засекреченный опричник? Скорее уж, что я особо боящийся Разбойного приказа казачок из беспредельщиков, типа Аники. Одно хорошо, приставать не стал».

– Про мужа истинного, – заметил князь, – дела говорят.

Ангмарец помолчал, гадая, о ком бы это шла речь.

– Вы с Репниным шли на Ринген, так?

«Это что – допрос? – ужаснулся назгул. – Сейчас спросит – почему тысячи русских парней в земле лежат, а мы живы. Ого-го, рановато мы из кустов вылезли да луки убрали. Уж не вязать ли нас прибыл пресветлый князь? »

Впрочем, он тут же понял свою ошибку. Цельный князь – на какую-то артель? Много чести! Хватило бы и сотни стрельцов о главе с заместителем обозного воеводы, или дюжего дьячка из Разбойного Приказа.

– С корабля нас сняли и прикомандировали... То есть, дали под руку воеводы Репнина. А тот, когда на Ринген шел, отрядил нас немца отвлекать.

Серебряный вдруг вскинул голову и пристально вперился в глаза назгула, да так пронзительно, что тот был вынужден уставиться в траву.

– Да ты никак решил, человеке, что я тебя попрекаю? Что велю в железо заковать?

Персонаж бессмертного романа Алексея Константиновича Толстого оказался неплохим физиономистом.

– Брось, боярин. – Серебряный перекрестился. – Не вижу вины за вами. Из наших никто не уцелел, но немцев тьма осталась живых. Кое-кого казачки в Печорский монастырь на аркане притаскивали. Так что ведомо мне, как вы немца на себя отманивали, давая дорогу Репнину. Богу, видать, неудобно было спасти рингенский отряд, а вы свое дело добре сделали, во славу царя и небесной рати.

«Знал бы ты, где мы видали на той дороге царя и небесную рать... » – подумал назгул.

А рядом топтался Шон, не зная, как правильно обратиться к командиру Легиона, чтобы не вызвать волны кривотолков. Спас ситуацию, опять же, князь.

– Что над душой стоишь? Присядь с нами, – сказал он как-то совершенно по-свойски.

«Неправильный какой-то князь, – подумал назгул. – Видимо, тут как и с Басмановым – в семье не без урода».

Шон пожал плечами и плюхнулся рядом, отчего-то шепотом сказав ангмарцу:

– Собирались выступать ведь, когда туман рассеется.

– Аи верно, – хлопнул он себя по лбу. – Ты уж извини, княже...

Серебряный, похоже, был в курсе абсолютно всех маневров в наступающих полках.

– Левое крыло тысяче Хворостынина прикрыть? Не торопитесь, не вышла сотня на дорогу.

– А что так?

Воевода мрачно усмехнулся:

– Приболел тысяцкий.

– И сильно приболел? – чуя недоброе, спросил Шон.

– Сильнее не бывает. На голову укоротился.

– Н-да... Экая хворь приключилась... – только и нашелся назгул.

«Хворостынин то был мерзавец мерзавцем, не жаль ничуть. Но каков хват этот Серебряный – целого тысяцкого укоротил. Когда такие дела творятся, нам, сирым да убогим, следует носа не казать из нор. Лес рубят, как говаривал генералиссимус, щепки летят. Нет, пора нам на флот возвращаться, хватит уже этих сухопутных приколов».

– Пушку утопил при переправе – утаил, – сказал князь, глядя куда-то в редкие клочья тумана, парящие над далеким ручьем. – Потом деревеньку разорил, на дым пустил невесть зачем. Через то добрый стрелец на дороге стрелу в спину получил. Лагерем встал – костры запалил до небес, небось из самого Феллина видно, где рать государева идет.

– И верно, – сказал как всегда бессердечный Шон. – Голова ему лишняя была.

– Тяготила вельми, – серьезно кивнул князь. – Послезавтра явится новый тысяцкий, тогда и тронетесь.

– Выходит – отдыхаем, – встрепенулся Шон, хотя назгул и корчил ему страшные рожи.

– Отдыхать на Москве будем, в палатах, – вздохнул Серебряный. – Надо за ворогом при-смотреть.

«Вот и началось опять, – ангмарец про себя чертыхнулся. – Будто без нас некому вое-вать».

– А казачки на что? У меня два десятка черкесов при конях, остальные пешцы.

– Там, где я разумею врага, – сказал воевода, – конные не пройдут. Овраги, буреломы да болотины.

– И что там рыцарям делать? – спросил Шон простосердечно.

– Там не псы эти железные, а какие-то другие. Без коней и брони, но с пищалями. Казачки третьего дня заприметили сотни четыре этих залетных. Идут скрытно, по пустошам безлюд-ным, заходят орловскому полку под самый хвост.

Назгул хмыкнул.

– Воля твоя, княже. Вели – хоть сейчас пойдем. Далеко ли?

– Экий быстрый... – Серебряный вдруг встал, расстегнул тяжелый ремень с ножнами и одним змеиным движением выполз из кольчуги.

Шон и назгул аж рты раскрыли. Это только в кино все снимают и надевают пластиковую и алюминиевую броню, словно футболки с трениками. На самом же деле, чтобы скинуть даже простую байдану, нередко нужна сторонняя помощь. Уж как минимум человек становится враскоряку и начинает, упираясь руками в землю, прыгать, выставив зад, выползая из доспеха.

В движениях Никиты Романовича Серебряного сквозила настоящая воинская статья, а также многолетняя сноровка. Было в нем что-то от быстрой и смертоносной куницы. Доволь-ный произведенным эффектом, князь любовно погладил броню, упавшую к его ногам удиви-тельно маленькой блестящей кучкой:

– Кольчужка персидская, тонкая, что твоя паутина. Но не берет ее сабля. А уж легкая!

Шон едва ли не обнюхал заморское диво, спросив дозволения, поднял на вытянутых руках и принялся рассматривать сквозь нее белый свет. С его собственной кольчугой этот номер бы не прошел – через пару секунд руки бы воспротивились такому садистскому куль-туризму.

Серебряный расстегнул плотную кожаную поддевку, скроенную на западный манер, подозвал одного из своих ратников:

– Вели трапезу готовить.

«Так вот с нами и сядет жрать и пить, – подивился назгул. – В первый раз вижу вель-можу, простого в доску, но не из опричнины. И Басманов, и Очин-Пле-щев – простые ребята, у которых на лице написано – тяжела и неказиста жизнь советского чекиста. Но этот из поро-дистых, а туда же. И верно – не из той же он шайки-лейки? Толстой писал, что он опричников ненавидел, но то все брехня. А вот состоял ли в самой черной сотне, или нет? Как-то неловко

спрашивать, ей-богу. Да и вообще, почти секрет государственной важности. Еще и меня укоротит на голову... »

– Дивишься ты мной, – наконец недовольно сказал Серебряный, – ровно девицей красной. Воевод не видал?

– Воевод-то видал всяких, а вот... Серебряный помрачнел.

– Батюшка наш, покоритель казанский, последнее время... совсем сделался на манер маршала Радзи-вилла или какого-нибудь Сапеги. Панталоны срамные носит с кружавчиками, к ратникам кашу из котла есть не идет, зато зело много стал разуметь в песей да птичьей охоте, – наконец сказал он.

И без подсказки ясно – речь о Курбском.

«А лет через пяток он вообще, как есть, в панталонах, убежит к врагам и станет самым известным в истории диссидентом, мастером эпистолярного жанра», – захотелось сказать ангмарцу, но он, ясное дело, промолчал.

– Репнин, небось, от своих людей в шатрах златотканых не прятался? Да и Шуйский не прячется, и я не стану, – зло сказал князь, словно именно Чернокрылый Легион склонял его к болезни декабристов, которые были «страшно далеки от народа».

Принесли скатерку, бросив прямо на траву. В ней ангмарец, присмотревшись, не без ехидства узнал вкривь и вкось сшитые ливонские хоругви да рыцарские значки. Поверх некогда величавых гербов легли пресные лепешки, мех с вином, ломти солонины, завернутые в прелые листья подорожника, и еще какая-то снедь.

Истово осенив себя знаменiem, князь жадно накинулся на еду.

Назгул и Шон переглянулись, собираясь напомнить один другому о стандартной своей ошибке. В первые месяцы, усердно подражая «аборигенам», они механически крестились так, как это делают в двадцать первом веке все и вся, «задетые» Никоновскими реформами, именуя исходный образец «старообрядческим». Пару раз дело едва не закончилось худо.

В этот раз оба маху не дали. По крайней мере, в этом вопросе.

Шон, очутившись в уютной и понятной ему атмосфере пьянки на природе, взялся за рог с вином и уже собрался провозгласить ставшее традиционным «за папу Сау и ридну Мордорщину», когда его остановил взгляд назгула.

– Богородица Дева радуйся, – проямлил сконфуженный ирландец и залпом осушил сосуд.

Серебряный удивленно поднял на него глаза, но ничего не сказал.

Подошла Тора, с большой и довольно несуразной на вид лоханью каши.

– Подгорела малость. Я травок накладала, но...

– Нам все одно, девица. Негоже в походе плоть пестовать, – успокоил ее Серебряный и первым запустил в темноватое варево костяную ложку, которую изъял из-за левого сапога.

Только покончив с трапезой воевода вернулся к разговору о странном отряде, замеченном казаками. Кинжалом срезал он кусок дерна и прямо на земле принялся чертить подобие схемы.

– Вот за эту болотину они и схоронились, а верховые наши побоялись коням ноги ломать по бурелому.

– Третьего дня, – задумчиво поскреб шею ангмарец. – Выходит, они уже где-то здесь должны быть.

Он ткнул пальцем в край схемы предполагаемого театра боевых действий.

– А ты ничего, – похвалил его князь, – с понятием.

«Зато тебе бы по черчению пару бы вlepили в любой школе», – подумал Шон, не понявший из путанных объяснений воеводы абсолютно ничего.

– Народу у меня – кот наплакал, – ангмарец мрачно обвел взглядом свой лагерь, – а там несколько сотен.

Серебряный вновь уставился на него своим гипнотическим взором.

– Сколько надо, боярин? Говори, не чинись, но и меру знай.

Назгул почесал в затылке,

– Кроме моих людей, больше никто с ними не станет связываться?

Князь помедлил с ответом.

– Пошто хоронятся они? Как разумеешь?

– Ясное дело! – Шон, привыкший на корабле и в поле участвовать в советах, решил не делать из данного разговора исключения. – Ударят в тыл, побьют и посекут многих, повезет, так прорвутся к пушечному наряду, он как раз там же, по реке на лодках движется.

– Это очевидно, – назгул принялся водить рукой над импровизированной картой, поигрывая пальцами, словно факир, готовый произвести какой-то особенный фокус, – только задавят их остальные полки. За день-два можно стянуть к речной петле добрую половину войска.

Серебряный внимательно слушал.

– Глупость какая-то, истерика, – неуверенно пробормотал Шон.

– Что-то подобного за ливонцами в последнее время не водилось. Нет, *тут*: что-то иное.

Назгул спросил у замолчавшего воеводы:

– Где Кестлер-то?

– Не магистр нынче верховодит у псов-рыцарей, – был ответ. – Рыцарь Фелькензам, тот, что наши отряды посек,

– Мне все едино, «филькин-зам» какой, или чертова мать. Армия орденская где?

Видимо, ангмарец все же перегнул палку. В глазах Серебряного полыхнуло пламя – не привык он, чтобы какие-то безвестные атаманы в таком тоне с ним разговаривали.

– Тебе-то зачем, служивый?

– По-моему, – сказал назгул, – каждый солдат, тьфу ты, каждый воин должен знать свой маневр.

Серебряный неожиданно улыбнулся.

– Дельный совет у нас вышел. Мудрое слово твое я попомню, да и Курбскому донесу.

«Спасибо Александру Васильевичу», – подумал назгул.

Сняв с пояса изящный кинжал, воевода воткнул его в дерн за пределами своей схемы.

– Сюда спешит этот Фелькензам, будто бесы его подгоняют. К Тирзену рвется.

– А что, там медом намазано?

– Городишко никчемный, блошинный рынок да немецкие хибары.

– Так в чем сыр-бор?

– Чудно говоришь ты, боярин, – князь вздохнул, – словно басурман какой, уж не гневайся.

– Есть маленькой – сам себе под нос буркнул ангмарец.

– Спешит рыцарь с войском к Тирзену, ибо только в чистом поле силен немец. Здесь – холмы, там – леса, право крыло в реку упирается. Негде разгуляться псам-рыцарям в бронях тяжелых. А перед самым городом ровное полюшко, луга и никаких оврагов или рощ, словно небеса уготовили место для сечи богатырской.

«Понятно, почему спешат наши полки головные, – подумал Шон. – Проскочить поле и навязать этому рыцарю Фильке бой в лесистых холмах, где он расшибет себе лоб о стрелцов».

– Значит, – ангмарцу стал очевиден нехитрый замысел врага, – эти несколько сотен хотят ударить нам в тыл, внести сумятицу, задержать продвижение. Ударят, отойдут в леса. Пока мы стянем силы и задавим их – Фелькензам уже выстроит в поле свою броню.

Серебряный одобрительно похлопал его по плечу.

– Нам недосуг рубиться в лесах с малой вражьей дружиной, а потом подставлять людишек под удар «кабаньей головы» рыцарей. Посему мое тебе слово – бери свой отряд, засечников сколько надо, и сделай так, чтобы полки и пушечный наряд прошли дальше без задержки.

Ангмарец и Шон переглянулись.

– Две сотни дашь, князь? – быстро спросил руководитель Чернокрылого Легиона.
– Две не дам, – столь же быстро выпалил воевода. – Три дюжины засечников своих, да сотню из Старой Русы.

– Плюс легионеры да спешенные черкесы, – прикинул назгул. – Негусто выходит.

– Я не прошу всех ворогов истребить и головы мне их к шатру прикатить, – одними губами усмехнулся Серебряный. – Не дай им смешать полки и до пушек добраться. А там я Фелькензаму трепку задам в холмах, и останутся эти залетные воры одни-одине-шеньки.

– Задача ясна, – Шон встал. – Княже, дозволю к воинам идти, в дорогу снаряжаться.

– Ступай, служивый, – Серебряный перекрестил его в спину. – Заместо вас дозором пойдут казаки Аники.

– Аника-воин? Князя Басманова человек, – обрадовался назгул. – И он здесь?

– Он не княжий человек, а сам себе человек, – покачал головой Серебряный, видимо, удивленный тем обстоятельством, что они знакомы. – Знавал я его на югах. Лихой и лютый воин. Угрюмый, но верный.

Характеристика была куда как точной. Именно таким и виделся ангмарцу атаман – угрюмым, но верным.

– А сам князь?

– Он в златоглавой измену корчует каленым железом, – сжал кулаки Серебряный. – Не меньше нашего для государя и Руси делает.

В который уже раз задумался назгул о Предопределенности. Можно ли повернуть ход истории? Или поражение в Ливонской войне неизбежно, словно кариес?

А если шальная стрела срежет Стефана Батория? Или не ввяжутся Дания со Швецией в вековой конфликт между славянами и немцами?

Ответа не было.

– Вижу, тяжкую загадку задал я тебе, воевода, – заметил странное оцепенелое состояние собеседника Серебряный. – Не возьмешься? Я пойму, другого верховодить поставлю. Вам и так возле Ринге-на и по дороге назад перепало лиха.

– Нет уж, – сжал зубы ангмарец, – давай людишек, князь, и забудь про залетных воров. Лети вперед, вбей Фелькензаму зубы в глотку. За воинов Игнатьева-Русина и боярина Репнина, за уничтоженные гарнизоны и позор прошлого года.

Князь поднялся.

– Жив ли буду, или разнесут волки да вороны кости по полям – все одно услышит государь о победе над орденской силой. Давно пора покончить с Ливонией. Будь по-доброму, тем еще летом испустило бы дух гнездо тевтонское.

Назгул все же не удержался. Больно тяжело было смотреть на человека, свято уверовавшего, что «еще напор – и враг бежит», конец войне, Русь на Балтике, поют сердца! ..

– А что у ляхов делается и литвинов?

– Почто пытаешь? – нахмурился воевода.

– Ведь их совсем не порадует, что мы у моря утвердимся, когда ордену шею скрутим.

– А кто об их радости печется? Только изменщики государевы. Помаются, полагают, да хвосты прижмут.

«Эх, слабовата разведка в России, – вздохнул на-згул. – Или сильна она у Батория. Ведь скрыл, шельмец, подготовку к войне. А начни я разглагольствовать на эту тему – сразу на дыбу вздернуть. Откуда, мил человек, у тебя такие точные сведения о положении дел у братьев-славян? А откуда ты вообще знаешь про пока еще мало кому известного трансильванского магната? И не поможет ни папа Сау ни ссылка на школьный курс истории. Сгнию в недрах Разбойного приказа, откуда даже Басманов не вытащит».

Басманов... Назгул опять задумался об их благодетеле.

Этот верно чует недоброе, мучительно вглядывается в творящееся вокруг польско-литовского трона копошение. Но и он вряд ли представляет себе хотя бы отдаленно контуры будущей катастрофы.

«Как бы извернуться и перекроить все по-другому? Ведь и нас в истории не предусмотрено. Или – мы „были“? Разве найдут археологи двадцатого и последующих веков наши могилы? Да и чем кости легионеров будут отличаться от костей других павших в полувековой ливонской эпопее? А парочку пластиковых расчесок и мою зажигалку могут не найти или резонно принять за деталь „более позднего культурного напластования“.

– Пес с ними, с литвинами, – сказал ангмарец. – Когда люди подойдут?

– На заре Аника явится. А следом и сотня с за-сечниками.

Вскоре князь Никита Романович Серебряный отправился навстречу великой славе.

* * *

Неожиданный удар Чернокрылого Легиона спутал все планы ливонцев. Отряд, посланный задержать продвижение русских, оказался смят и отброшен с дороги. Русские полки стремительным маршем вклипились в тевтонские земли и соединились на тирзенском поле, где грянуло страшное сражение.

Не дал князь немцу возможность развернуться на равнине, навязал бой в холмистой местности изрезанной оврагами и ямами. Храбрый Фелькензам и четыре сотни рыцарей попали в плен, тысячи вражьих трупов достались воронам.

Свершилась месть за Ринген и павших воинов. Так в 1559 году наступил перелом в ходе войны России с

Орденом.

Но это – совсем другая история, о которой скаж еще впереди.

Пешка в чужих руках, рыцарь Фелькензам. Яко тот мавр, сделал свое дело, и ушел в небытие...

Магистр Кестлер, отвлеченный от правления чарами Гретхен, пытался продлить агонию своей страны, но сила русского оружия и предательство в самой Ливонии сделали свое дело.

Катастрофа под Тирзеном доказала Литве и Польше, а так же Швеции и Дании, что Ордена больше не существует как серьезной силы. А мощь России и те возможности, что открывались перед ней в связи с присоединением прибалтийских земель, напугали европейских владык.

Сломав хребет псам-рыцарям, Россия оказалась перед лицом мощной коалиции враждебно настроенных стран.

В хаосе, воцарившемся на десятилетия, хаосе запросто могли затеряться наши герои. И мало кто пока видел встающую над Восточной Европой страшную тень «трансильванского душегубца», знаменитого по сей день короля Стефана Батория. Его появление на исторической арене сулило бездну страха и ужаса десяткам тысяч ничего не ведающим людям самого различного корня и вероисповедания...

Глава 5

В землях ляхов

На самом краю так называемого Дикого Поля гордо стояла усадьба Жигеллонов. Давно отселились все соседи, ища под крылом коронных маршалов защиты от набегов беспощадных татар и дикой ненависти украинских гайдамаков. А жители усадьбы остались. Вероятно, имелся на то особый резон у хозяина, сорокалетнего Збигнева, прозванного Громобоем.

Хоть и называлась группа строений, обнесенная частоколом, усадьбой, однако по тем временам позавидовали бы ей и иные крепости и города Западной Европы.

Плескались лягушки в затянутом ряской рве, глубоком и оснащенном весьма покатыми бережками, на которых дыбились в сторону степи заостренные дубовые рогатки. Тонкий слой навезенного телегами дерна скрывал волчьи ямы с кольями на дне – неприятный сюрприз как для штурмующих, так и для ночных незваных гостей-лазутчиков.

Угловые башни, неказистые на вид, являли собой весьма грозную силу, оснащенные не только мощными стрелометами и чанами со смолой, но и затинными, си-речь тяжелыми пищалями. Важные усаые воины прохаживались по парапету, брэнча кирасами и алебардами, кидая взоры на восток, откуда в любой день и час мог хлынуть пресловутый Потоп, который век сотрясающий польскую землю.

Явился в тот час к опущенному подъемному мосту богато одетый всадник на вороной кобыле, убранной на татарский манер в парчу и иные цветастые тряпки с серебряными шнурами да кистями. За сим вельможей прогрохотали по доскам мостка две дюжины золотых гусар. При виде пышного и грозного эскорта ратники на стенах и башнях вмиг растеряли свою ухарскую важность, выцвели, словно моль на свету.

Сияли шишаки и латы столичной работы, гордо топорщились перья на гусарских спинах. Краса и гордость ляхской тяжелой кавалерии могла внушить трепет кому угодно.

– Не иначе вспомнили о нас наверху, – проворчал старый рубака, с натугой отворяя обитые стальными листами ворота. – И без них плохо, и с ними тошно. Чую – не к добру сии перемены.

Более молодые воины гарнизона ничего говорить не стали, во все глаза разглядывая въезжающую кавалькаду.

– Хороши фазаны, нечего сказать, – проворчал сквозь зубы ветеран. – А где они были прошлым летом, когда татарва ярилась прямо под стенами? Ясное дело – жрали краковские колбаски и мальвазией запивали далече отсюда.

Вельможа прыгнул с коня и едва ли не бегом ринулся к хозяйской домине, придерживая на боку саблю. При этом он каким-то образом умудрился не терять достоинства и приличествующей королевскому посланнику важности.

– Что за манеры, – вновь проворчал старик, щуря левый глаз, превращенный ударом татарской сабли в подобие узкой щелочки. – Нет бы к панам офицерам подойти, ведь знает же – пропал наш хозяин в Степи, третий месяц как ищем.

Навстречу кавалеру вышла ведавшая хозяйством племянница Громобоя, Маржанка, одетая в странную смесь траурных одежд и последней шведской моды.

– Пани, – сорвал с головы кавалер щегольскую шапку с алым пером, – я есть посланник к владыке вашему, за доблесть именуемому Громобоем, грозой Дикой Степи.

– Увы, любезный кавалер, – вздохнула Маржанка, – пан Жигеллон, да восславят его в небесах так же, как он восславлен на грешной земле, канул где-то в диких восточных землях.

– О том слышали мы, – кивнул головой посланник, откровенно, почти за гранью допустимых приличий, разглядывая ладную фигуру племянницы местного владыки. – По сию пору не найден, выходит...

Маржанка только вздохнула.

– Если бы вы соизволили принять участие в поисках, – она кивнула на спешивающихся золотых гусар, – в миг бы нашли, ей-богу.

– К превеликому моему сожалению, – заметил так и не представившийся кавалер, – служба королевская требует от них совсем иного послушничества. Однако спешу обрадовать вас, милая пани. Очень скоро, вернее всего – через пять дней, подойдет сюда крепкая дружина. Достанет у нее сил и укрепить оборону этого форпоста истинной веры на востоке, и прочесать степь окрест.

Маржанка всплеснула руками:

– Хозяин всегда говаривал, что Жигеллонам не надобно иной помощи от короля, кроме его-благоволения.

Кавалер поморщился. Видно было, что не хочет он говорить о таких серьезных вещах с молоденькой девицей, волею случая ставшей хозяйкой усадьбы.

– Не станут же Жигеллоны противиться прямому королевскому указу, полагаю? Соответствующая грамота у меня есть. Сейчас для Польши наступило время великих потрясений, негоже шляхте вспоминать не к месту о своих вольностях, рвать державу на части пред лицом подступающих врагов.

– И кто же это подступает к коронным землям? – спросил вдруг густой басистый голос.

Кавалер излишне резко и порывисто развернулся на каблуках и уставился в лицо говорившему. Перед посланником стоял высокий и удивительно худой пан в простой рубахе, на которую небрежно накинут был дорогой дублет.

К уголкам губ, скрывавших ехидную улыбку, свешивались жидкие черные усы. На затылке задорно топорщился непокорный вихор.

– С кем имею честь, любезный государь? – осведомился посланник, постукивая убранными в перчатку пальцами по сабельному эфесу.

– Обращение, достойное королевского посланника, требует прежде назваться вам, милостивый государь. – Высокий оглядел прибывшего с эскортом пана с ног до головы. – Назваться государевым человеком может всякий.

Среди сопровождающих посланника произошло движение, звякнул высвобождаемый из ножен клинок, грозно затопорщились из-под шишаков усы крылатых гусар. Эта публика давно привыкла к самоуправству и наглости шляхты, не раз и не два приходилось им силой давать понять, что, несмотря на все вольности, Ржечь Посполита есть единое и нерушимое государство, покорное монаршей воле.

Кавалер, в лицо которого кинулась краска, тем не менее быстро взял себя в руки.

– Мое имя – Ходкевич, ваша милость. Должно быть, запаматовал я в долгой и трудной дороге, что до сих земель не всегда быстро доходят столичные вести. Прошу прощения у хозяйки здешней за свою оплошность, достойную мужлана нерадивого.

Он демонстративно повернулся к Маржанке и отвесил ей утрированный поклон, достойный более балагана, нежели родового гнезда славного рода.

– А я, сударь, – сказал высокий, – в свою очередь назовусь... вашей спине. Я пан Кривин из Слуп-ников, командир здешней хоругви.

Ходкевич подчеркнуто медленно оглянулся, словно впервые увидев собеседника.

– И давно ли под рукой Громобоя появилась целая хоругвь? Насколько слышно было, водил он на гайдамаков да татарву три дюжины своих молодцов, и того казалось вполне достаточно.

– С тех самых пор, – отпарировал Кривин, – как не хватило для благополучия пана Жигеллона этих самых молодцов. Увел он их в Степь, да и канул.

– А вас, выходит, новая хозяйка пригласила, или имели вы с Громобоем на такой случай особый уговор?

– Все обстоит именно так, как глаголет ваша милость.

Злотые гусары зашумели и придвинулись к своему главе. Тяжелая панцирная кавалерия, зачаток регулярной армии, терпеть не могла вольные хоругви, по сути – наемников, подвизавшихся в пограничных землях и воюющих за золото, а не за державу.

– Не вольны ли мы нанимать себе и своим землям охрану? – надула губки Маржанка. – В здешнем диком краю никак нельзя без войска. Завтра же, узнав, что усадьба пуста стоит, татарва спалит все вокруг и вторгнется в самое сердце Ржечи Посполитой.

– Об этом и хотел моими устами поговорить государь с паном Жигеллоном, – сказал кавалер, делая знак гусарам отойти в сторонку. – Увы...

– Тем не менее, гостеприимство посланникам будет оказано от всей души, – заметил Кривин. – Скорбь по пропавшему пану-защитнику не станет помехой.

«Видно, – про себя проворчал посланник, – скорбь-то невеликая... А ты, мил государь, что-то уж очень лихо приноровился говорить вместо хозяйки. Не иначе как метишь в нового господаря здешних земель.

Не бывать тому! Вовремя же прислал меня государь. Мало нам Запорожской Сечи, где окопалось реестровое казачье войско, не столько защищающее наши границы, сколько их же и разоряющее, так еще и в тутошнем краю осядет вольная хоругвь... Тогда не стоять краю в покое! »

Маржанка отдала приказания челяди относительно коней эскорта Ходкевича, потом дошла очередь и до людей.

Отвели под них ладный терем, а посланнику предложили почивать в палатах самого Громобоя.

– Прошу великодушно простить меня, – заметил Ходкевич на такое предложение, – но я человек военный, привык спать и есть вместе со своей дружиной. Не обидит ли это чем-то хозяйку?

Маржанка всплеснула руками.

– Да как же, не станет пан кавалер даже ужинать с нами? ! И чем мы заслужили такое небрежение?

Кавалер вновь сорвал с головы шапку:

– Почту за честь трапезничать в обществе такой милой и учливой дамы.

Кривин хмуро наблюдал за тем, как гусары по одному заходят в терем, оставив возле ворот троих караульных.

– Усадьба, милостивые государи, надежно охраняется, – сказал он свысока оставшимся. – Нужды нет торчать тут у ворот. Шли бы вы к друзьям своим...

– Ты пан, – не сказал, а скорее выплюнул сквозь зубы старший из троих, – нам не указ. Снять караул отсюда может только сам ясновельможный

Ходкевич. Так что ступай, не мешай бойцам службу нести.

Кривин, вместо того чтобы разгневаться, вдруг расхохотался.

– Ну и смурной же народ в гусары идет! А я все слушал про вас истории от бывалых людишек, да не верил. И впрямь вы народ удивительный...

– И что же это в нас такого удивительного? – спросил старший.

Кривин ничего не сказал, а отошел в сторону хозяйских палат.

– Из разорившихся шляхтичей, верно, – заметил один из гусар.

– Что так решил? – поинтересовался другой.

– Норову да гонору больно много.

– Гонор есть у всякого в здешнем краю, за кем полторы сотен сабель стоит, – покачал головой бывалый воин. – А манеры у него самые мужицкие. Выбился на войнах из грязи, много такой плесени по-всплывало...

Говоря все это, гусары нарочито повышали голос, чтобы услышала их местная охрана у ворот.

Зная, что Ходкевич не допустит их ссоры с Кривиним, желали они задеть простых ратников, показать силу королевской власти, удаль свою да крепость сабель и доспеха.

Меж тем, как говорится, не в коня корм удался. Тот самый ветеран, что ворчал при их появлении, подал голос на последнюю реплику столичных гостей:

– Ваша правда, всякую муть в бурю ветры гонят.

При этом старый воин кивком головы указал на удаляющуюся спину Кривина, чтобы не осталось ни у кого из присутствующих сомнений, о ком идет речь.

– Что, не люб тебе командир хоругви? – с удивлением переспросил гусар.

– А что мне он, птица залетная, – пожал плечами ветеран. – Мы впятером из громобоевой дружины. А эти, – тут он сплюнул прямо себе под ноги, – появились вместе с Маржанкой невесть откуда, словно воронье на мертвечину. Стоило только запропасть пану нашему, как уже и нахлебники с захребетниками пожаловали.

– А ну-ка, рассказывай, – насел на него гусар.

– Так ведь известное дело, – ухмыльнулся ветеран. – Когда в глотке сухо, так и рассказ не от сердца идет.

Один из гусар немедленно двинулся в конюшню и вскоре возвратился, неся два меха с вином.

– А не будет ли лишнего шума, – спросил столичный гость, в сомнении покачивая в руке винный мех, – что дружинники на посту распивают греховные напитки? ..

– Племянница пана в дела службы не суется, – ответил ему ветеран, с нескрываемой алчностью созерцая возжеленное пойло. – Правду сказать, это единственное, куда она носа не сует. А песий сын Кривин и его десятники нам не указ.

– Тогда – аминь.

После нескольких глотков глотка ветерана настолько увлажнилась, что он смог наконец начать повествование о пришествии захребетников и нахлебников.

Очень скоро, оставив местных ратников в обществе своих воинов, с опустевшими наполовину флягами, старший из гусар направился к Ходкевичу.

– Ваша милость, – заявил он, – весьма важные вещи говорят людишки из местного гарнизона, Я тут разузнал кое-что...

Ходкевич слушал молча, хмуря брови и теребя перчатки, заткнутые за пояс.

– Значит, появились они вместе с племянницей, а не по ее зову? Интересно, пся крев... А сама Маржанка как из-под земли возникла в самый день исчезновения Громобоя. Еще того интереснее...

Он некоторое время прохаживался по светлице, что-то прикидывая в уме.

– Разузнай-ка поподробнее, – наконец сказал он, – как именно исчез Жигеллон?

– Известное дело, – пожал плечами гусар, – Взял, по своему обыкновению, ратников, да ушел верхами в степь, дозором земли обойти.

– Нет, тут что-то нечисто, – покачал головой Ходкевич. – Я за версту измену чую. Слишком все как-то гладко выходит. Ступай к здешним воякам, вызнай все досконально. Вот тебе кошель, распорядись там на свое усмотрение.

Гусар удалился.

Меж тем Ходкевича пригласили в хозяйские хоромы. Некоторое время кавалер размышлял над своим одеянием. Потом все же поддел под камзол кольчужку

– Нечего нам с родины уходить, – заметил неожиданно Кривин. – Пусть немцы с москoviтами хоть шею друг дружке свернут, а заодно и с татарвой передерутся. Коли в соседях все битые будут, Ржечь Посполита спокойней спать станет.

Впечатление от пылкой речи командира хоругви испортили десятники, тупо воззрившиеся на своего патрона, словно тот неожиданно проглотил лягушку или вылил себе за шиворот холодный квас.

– Если сам Кривин актер неплохой, – заметил себе Ходкевич, – то головорезы его – никудышные комедианты. Им бы играть где-нибудь в предместьях Кракова простодушных разбойников и глуповатых злодеев...

– Что ваша милость скажет? – поспешил спросить командир хоругви. – Отобьются немцы от русских?

– А ваша милость как считает? – решил ответить вопросом на вопрос Ходкевич.

Кривин пожевал губами.

– Думается мне, что после того, как наши предки потрепали Орден на Грюнневальдеком поле, ему уже никогда не подняться. А Москва большую силу набрала. Кабы не татары у них в подбрюшье, давно навалились бы на всех честных христиан.

Ходкевич нашел это умоzakлючение весьма уместным и даже мудрым.

– А говорите – не доходят до вас известия верные... Так и есть. Успехи магистра Кестлера – лишь агония. Как только поведут воеводы царя Иоанна полки с востока – побегут немцы.

– Выходит, мы будем спокойно смотреть, как еретики восточные прибирают к рукам земли, на которые у нас самих виды имеются? – спросил один из десятников, обмакнув усы в пиво и отфыркиваясь, словно тростниковая свинья.

– А что, прикажете королю начать войну с Иоанном? – пожал плечами Ходкевич. – Чем и кем воевать? Шляхта на короля сабли точит, держит руку пришлого с юга Батория, или заигрывает со Швецией да Данией. А одними золотыми гусарами да ополчением много не навоюешь.

– Война – хорошо, – выдал доселе молчавший десятник, и по его акценту Ходкевич безошибочно опознал немца-выкреста, сильно ослабянившегося потомка тевтонской колонизации. – Это много славы и добычи.

– Но также и много крови и бед для родной земли, – возразил посланник короля. — Мы к войне не готовы.

Он был несколько раздосадован тем, что никто из наемников не подался на его уловку и не заговорил о Батории. Впрочем, от Ходкевича не укрылось, что остановил их только короткий гневный взгляд Кривина.

– Следует ли нам понимать, – осторожно заметил приведенный в усадьбу Маржанкой командир наемников, – что король не намерен мешать москoviтам прибирать к рукам приморские земли?

– Мы люди маленькие... – Ходкевич вновь принялся теревить недоеденную дичь. – В большие дела не посвященные.

– И все же...

– Скажем так, милостивые государи, – Ходкевич срезал кинжалом с кости тонкий ломоть мяса и уставился на него в задумчивости, словно не понимая, что творят его руки. – Ополчение не собирается перед дворцом и не гремит оружием.

Кривин нахмурился.

– Осторожность в речах всегда красит мудрого мужа, – сказал он. – Но не перегибает ли палку ваша милость и не считает ли, что имеет дело со щенками, еще не открывшими глаза и сосущими суку?

– С чего бы я так считал? – Ходкевич наконец решился и принялся жевать мясную полоску.

– Мы знаем, что многие вольные хоругви потянулись на север Польши, аккурат в те земли, где вовсю орудуют казаки. Неужели можно предположить, что к столице о сем не ведают? Тогда откуда столько золота, коней, снаряжения? ..

Ходкевич призадумался.

«Возможно, – размышлял он, – это действительно самые обыкновенные наемники. Тогда следует мне дать им золото и направить вослед остальным. Кривин прав – король старается стянуть к границе побольше войск, до поры не собирая открыто ополчение и не посылая туда гусар и хоругви верной ему шляхты.

Таким образом я смог бы разрубить этот гордиев узел, как говорят рифмоплеты. Убрать с восточного пограничья опасных людишек и усилить готовую к войне рать... »

Плавный ход его мыслей прервала Маржанка.

– Уж не хочет ли сказать ваша милость, – спросила она, глядя на Кривина, – что вы намерены покинуть меня в тот самый миг, как родич мой пропал, а усадьба стоит полностью без охраны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.